

ЯПОНСКИЙ КОЗЫРЬ СТАЛИНА

От Цусимы до Хиросимы

XX военные
тайны
века

А.А. КОШКИН

Annotation

В книге профессора-востоковеда рассматривается история взаимоотношений России (СССР) и Японии на протяжении почти ста лет. На основании малоизвестных в нашей стране советских, американских и японских документов раскрывается политика и стратегия СССР в отношении Японии в годы Второй мировой войны, дипломатия внутри «Большой тройки» – СССР, США и Великобритании по дальневосточным проблемам. Значительное место в книге уделено послевоенному урегулированию между СССР и Японией, противоречию сторон по вопросам заключения формального мирного договора. Издание книги приурочено к 70-летию Пёрл-Харбора и событий 1941 года.

- [А. А. Кошкин](#)
 -
 - [От автора](#)
 - [Вместо пролога](#)
 - [Глава 1. Япония в Первой мировой войне](#)
 - [Борьба за «германское наследство»](#)
 - [Дальневосточный вопрос на Версальской конференции](#)
 - [Глава 2. Сполохи войны на Дальнем Востоке](#)
 - [«Восемь углов под одной крышей»](#)
 - [Агрессия в Китае: война и политика](#)
 - [Цели халхин-гольской авантюры](#)
 - [Конец ознакомительного фрагмента.](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)

- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)

- [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
-

А. А. Кошкин

**Японский козырь Сталина. От Цусимы
до Хиросимы**

От автора

Хотя со времени окончания Второй мировой войны прошло уже больше полувека, последствия этого главного и наиболее трагичного события ушедшего столетия продолжают влиять на отношения государств и народов и по сей день. Одним из примеров этого являются российско-японские отношения. Как известно, эти два государства до сих пор не могут заключить между собой мирный договор. Причина такого положения не только в затянувшемся территориальном споре, но и подчас в противоположных подходах к истории взаимоотношений двух стран в годы войны.

По японской версии, подписав в апреле 1941 г. пакт о нейтралитете, Япония честно его соблюдала, а Советский Союз «вероломно нанес ей в 1945 г. удар в спину». В изданной в 1996 г. министерством иностранных дел Японии на русском языке для распространения среди российского населения брошюре «Северные территории Японии», в частности, утверждается: «9 августа 1945 г., три дня спустя после первой атомной бомбардировки Хиросимы и как раз в день второй атомной бомбардировки Нагасаки, Советский Союз, в нарушение пакта о нейтралитете, вступил в войну против Японии, поражение которой уже не вызывало сомнений». Ссылаясь на «неправомерность» вступления СССР в войну, японское правительство, по существу, требует пересмотреть ее территориальные итоги.

В России (СССР) принята иная концепция, согласно которой содержание пакта о нейтралитете было выхолощено в годы Второй мировой войны, когда Япония, заняв в германо-советской войне враждебную СССР позицию, до 1943 г. реально угрожала нападением на советский Дальний Восток и Сибирь, вела против Советского Союза необъявленную войну на море, совершала различного рода провокации. Проводимая Японией по договоренности с Германией политика сковывания советских вооруженных сил на Дальнем Востоке значительно осложняла военное положение СССР, затягивала борьбу с Германией, вела к увеличению жертв в войне. Это нарушало положения пакта о нейтралитете, ставило Японию в положение

враждебной страны, что во многом и предопределило участие СССР в разгроме милитаристской Японии в коалиции союзных держав.

Анализ японской исторической литературы о Второй мировой войне свидетельствует о том, что, частично признавая факты подготовки Японии к нападению на СССР, японские историки нередко рассматривают эти действия как якобы вынужденные превентивные меры на случай советского нападения. А разработанный и осуществлявшийся японским верховным командованием план подготовки и проведения войны против СССР «Кантокуэн» представляется как исключительно оборонительный.

Подробному исследованию военной политики Японии в отношении СССР накануне и в годы Второй мировой войны, в том числе плану «Кантокуэн», посвящена вышедшая в 1985 г. в Японии монография «Крах стратегии “спелой хурмы”. Кто нарушил пакт о нейтралитете», а затем в 1989 г. в переработанном и расширенном варианте – и в Советском Союзе. В данной книге основное внимание автор уделил взаимоотношениям СССР со своими союзниками – США и Великобританией в войне на Тихом океане.

Дело в том, что в японской, а в последнее время – и в российской, историографии при рассмотрении обстоятельств вступления СССР в войну на Дальнем Востоке наблюдается явление, которое можно определить как «япоцентризм». В Японии очень мало работ, в которых решение советского правительства об участии в войне рассматривалось бы с позиций существа международных отношений в годы войны, выявления планов, намерений и устремлений участников антигитлеровской коалиции. Вместо этого все сводится лишь к пакту о нейтралитете, критике «экспансионизма Сталина».

В предлагаемой читателю книге рассматривается участие СССР в войне с Японией не изолированно, а в контексте взаимоотношений союзников во Второй мировой войне в целом, с учетом складывавшейся ситуации на всех театрах военных действий. При этом обращается внимание на то, что комплекс союзнических отношений охватывал не только военные, но и политические проблемы, в том числе планы послевоенного устройства мира – создания ООН и др. И это весьма существенно. Ведь уклонение СССР от выполнения своих союзнических обязательств по отношению к

Японии могло привести к срыву этих планов коллективного обеспечения мира и безопасности народов.

Критически воспринимая утверждение о «сталинском экспансионизме в Азии», автор считает, что участие СССР в войне на Дальнем Востоке было важным и с точки зрения обеспечения геополитических и военно-стратегических интересов нашей страны. В отстаивании этих интересов следует усматривать не «гегемонизм» Сталина, а его заслугу как руководителя государства.

Содержание книги не ограничивается лишь рассмотрением причин и обстоятельств, обусловивших выступление СССР против Японии. Затрагивая широкий круг вопросов политики великих держав в годы войны, автор высказывает свое мнение и по ряду других, до сих пор остающихся не до конца выясненными, проблем. Знало ли японское правительство и насколько подробно о сроках нападения Германии на СССР? Почему Япония не напала на СССР летом 1941 г.? Какие цели преследовало японское правительство, предлагая свое посредничество в замирении СССР с Германией? Знало ли японское правительство о ялтинских договоренностях глав союзных держав по поводу Японии? Почему Сталин не ответил на просьбы Токио о посредничестве СССР в замирении Японии с США? Кто и как препятствовал советско-японскому послевоенному урегулированию? Почему до сих пор нет мирного договора с Японией? В поиске ответов на эти и многие другие вопросы автор стремился опираться главным образом на документы – советские, японские и американские. Особенно на документальные материалы, рассекреченные и опубликованные в последние годы.

Как известно, у истории «много лиц». Это ярко проявляется в исследованиях военно-исторического характера. Пожалуй, в истории еще не было войны, о которой и у победителей, и у потерпевших поражение были бы совпадающие суждения и оценки. И все же при всем разнообразии суждений, на наш взгляд, следует уходить от присущей периоду холодной войны сознательной идеологизации и политизации истории, стремиться к выработке объективных и сбалансированных оценок событий прошлого. Едва ли нужно говорить, насколько это важно для установления взаимопонимания, окончательной нормализации российско-японских отношений,

достижения добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества
народов двух стран.

Вместо пролога

Почти сто лет назад, 8 февраля (26 января) 1904 г., без объявления войны японский флот совершил внезапное нападение на русскую эскадру у Порт-Артура.

Толчком к обострению противоречий между Японией и Россией послужила японо-китайская война 1894–1895 гг. Одержав победу в войне, Япония на мирных переговорах в японском городе Симоносэки в 1895 г. добилась территориальных приобретений, отторгнув от цинского Китая остров Тайвань и Ляодунский полуостров. В дальнейшие планы Японии входило овладение Кореей и Южной Маньчжурией. А это означало выход японской армии непосредственно к дальневосточным границам России. Царское правительство уже тогда в полной мере осознавало возникновение угрозы. Еще до подписания японо-китайского мирного договора в Петербурге было созвано особое совещание министров для обсуждения создавшегося положения. Выступавший на нем министр финансов С. Витте заявил, что настоящая война направлена прямо против России. «Если мы теперь допустим японцев в Маньчжурию, – предупреждал он, – то для охраны наших владений... потребуется сотни тысяч войск и значительное увеличение нашего флота, так как рано или поздно мы неизбежно придем в столкновение с японцами».

Однако в то время Япония еще не располагала силами, позволявшими пойти на открытое вооруженное столкновение с державой, неизмеримо более мощной, чем Китай. Уступая объединенному давлению России, Германии и Франции, Япония была вынуждена отказаться от установления своего контроля над имевшим важное стратегическое значение Ляодунским полуостровом.

После японо-китайской войны царское правительство оказалось перед альтернативой в вопросе о том, как строить свою дальневосточную политику. Необходимо было сделать выбор при определении долгосрочного союзника России на Дальнем Востоке. И такой выбор был сделан в пользу Китая, что во многом предопределило конфронтационный характер российско-японских отношений в будущем. При этом в России также вынашивались

экспансионистские планы в отношении Китая и Кореи. В то время царское правительство рассматривало расширение владений России на Азиатском континенте как нечто естественное. Такой подход объясним: в условиях, когда отчетливо проявлялось стремление держав мира к окончательному разделу Китая, Россия, одна из крупнейших империалистических держав, уже в силу географического фактора не могла остаться в стороне. Нельзя не учитывать и то, что стремление утвердиться в Корее и Маньчжурии воспринималось и как решение задачи обеспечения безопасности Российского государства на Дальнем Востоке.

Немаловажное влияние на политику держав на Дальнем Востоке оказало строительство на территории Маньчжурии российской Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Эта железная дорога позволила России значительно расширить проникновение российского капитала в Маньчжурию, что тревожило другие империалистические государства, включая и Японию. Важное значение имела договоренность с китайским правительством об установлении вдоль всей линии железной дороги полосы отчуждения, где размещались российские охранные формирования.

В 1901 г. по КВЖД прошел первый поезд. К этому времени Россия договорилась с Китаем об аренде на 25 лет Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Далянем (Дальним). Она получила право создать в Порт-Артуре военно-морскую базу и провести железную дорогу из Порт-Артура к КВЖД. Тем самым была достигнута желанная цель – приобретение для российского Тихоокеанского флота на китайском побережье незамерзающего порта. Порт-Артур становился основной военно-морской базой русской Тихоокеанской эскадры. В результате, как заметил современник, «Россия и Япония сблизилась до расстояния выстрела из пистолета».

Как известно, русские войска вошли в Маньчжурию во время подавления так называемого боксерского восстания. Царское правительство приняло тогда активное участие в военных действиях против китайских патриотов, выступавших за освобождение своей страны от засилья иностранцев.

Не вызывает сомнения, что стержнем российской дальневосточной политики было утверждение России в Маньчжурии на долгое время. Япония не желала мириться с таким положением и не

скрывала своего намерения завоевать Северо-Восточный Китай. В Японии усилилось влияние общественных кругов, считавших необходимым, не останавливаясь перед войной с Россией, как можно скорее целиком подчинить себе Маньчжурию, с тем чтобы, переселив туда соотечественников, «превратить Маньчжурию в подлинный источник богатства и силы Японии».

Русско-японская война возникла в результате двух экспансионистских устремлений – со стороны царской России и императорской Японии. Однако инициатором и агрессором выступала Япония, нарушившая русско-японские договоры, провозглашавшие «постоянный мир и искреннюю дружбу между Россией и Японией». В результате поражения России в войне 1904 г. Япония отторгла Южный Сахалин, утвердилась на Курильских островах, закрыв для России выход в Тихий океан.

Память о поражении в войне с японцами надолго оставалась в умах и сердцах русских людей. Тень Цусимы оказалась длиной в целое столетие, определив многие политические и военные решения Кремля в отношении своего дальневосточного соседа – Японии.

Глава 1. Япония в Первой мировой войне

Борьба за «германское наследство»

Первая мировая война вовлекла в борьбу за империалистический передел мира 38 государств, где проживала четверть населения земного шара. Хотя основные военные действия проходили на Европейском континенте, в орбиту войны были вовлечены и далекие от Старого Света территории. Особым местом соперничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в первую очередь был Китай, где к концу XIX в. все явственнее проявлялось столкновение интересов Великобритании, Франции, Германии, России и Японии. Не желали упускать свой шанс в колониальной эксплуатации Китая и США.

Масштабы распространения экспансии западных держав на китайский рынок в 1880 г. характеризовались следующими цифрами: из 385 иностранных торговых фирм в Китае было 236 английских, 65 германских, 16 французских, 37 американских. В начале XX в. удельный вес капиталовложений в Китай составил: Англии – 33,0 %, России – 31,3 %, Германии – 20,9 %, США – 2,9 %, Франции – 11,6 %, Японии – 0,1 %, Бельгии – 0,6 %, других стран – 0,05 %^[1].

Опоздавшая к первоначальному разделу Китая Германия прилагала немалые усилия не только для укрепления своих позиций здесь, но и для распространения германского влияния в Восточной Азии в целом. В 1882 г. немцы под предлогом обеспечения торговых интересов направили к берегам восточного побережья Китая свои военные корабли и захватили значительный по размерам участок китайской территории в Святоу (Шаньтоу). Затем в 1884–1885 гг. Германия с целью обрести опорные пункты вблизи Китая завладела частью побережья Новой Гвинеи и Соломоновыми островами.

В 1897 г., воспользовавшись поражением Китая в войне с Японией, германский флот высадил десант в Циндао, а в 1898 г. Германия заставила китайское правительство подписать договор об уступке ей в аренду на 99 лет территорий вокруг бухты Цзяочжоу, что впоследствии позволило превратить богатую природными ресурсами провинцию Шаньдун в сферу германского влияния. Укрепляя свои позиции на Тихом океане, Германия в 1899 г. склонила Испанию

продать ей острова Каролинские, Марианские и Палау, которые были административно объединены с германскими колониями в Новой Гвинее.

Таким образом, к началу Первой мировой войны Германия имела в Азиатско-Тихоокеанском регионе опорные базы, которые позволяли ей успешно отстаивать свои экономические интересы в Китае и Восточной Азии в целом. Однако Германия не располагала на Востоке значительной военной силой, позволявшей ей всерьез противостоять здесь другим европейским государствам, а также Японии, которая, воодушевившись победой в Русско-японской войне 1904–1905 гг., теперь готовилась к серьезной схватке за обладание всем Китаем.

Начавшуюся Первую мировую войну рассматривали в Японии как возможность захватить прежде всего приморские районы Китая и обеспечить свой контроль над северной частью Тихого океана. Считалось, что этого можно добиться, приняв непосредственное участие в военных действиях. Однако Япония не сразу решила, на чьей стороне вступать в войну. Альтернативой присоединения к державам Антанты был вариант выступить на стороне Германии и попытаться в ходе войны вытеснить из Китая Великобританию и другие колониальные державы. Но воевать со странами Антанты было опасно и еще не под силу Японии. Казалось, гораздо проще, прикрываясь союзническими отношениями с Великобританией, захватить в качестве «трофеев» германские владения в Китае и на Тихом океане.

Такие замыслы Токио вызывали серьезные опасения у государств Антанты, в первую очередь у Великобритании, не желавших усиления позиций Японии в Азии за счет европейских держав. Еще 1 августа 1914 г. министр иностранных дел Великобритании Э. Грей дал понять японскому послу в Лондоне, что победа над Германией может быть достигнута и без участия Японии^[2]. Было ясно, что англичане имели свои виды на германские дальневосточные и тихоокеанские колонии и отнюдь не собирались их кому-либо отдавать. Лондон упорно пытался ограничить участие Японии в войне действиями японского флота в китайских водах против германских военных кораблей, при этом оговариваясь, что на Тихом океане Япония должна ограничиваться защитой торговых путей. Токио это не устраивало.

США также рассчитывали на укрепление своей экономической мощи и рассматривали Тихий океан и омываемые его водами страны

как сферу своих интересов. Выдвинув доктрину «открытых дверей» в Китае, Вашингтон стал препятствовать превращению Восточной Азии в один из театров мировой войны, в частности, протестуя против военных действий в зоне германских владений, в провинции Шаньдун. 11 августа 1914 г. правительство США обратилось к правительствам Великобритании и Германии с предложением «поддерживать статус-кво на Дальнем Востоке» до окончания войны^[3].

Такая политическая линия противоречила планам Японии. Еще до официального объявления Токио о вступлении в войну 15 августа японское правительство без консультаций со своей союзницей Великобританией в ультимативной форме потребовало от германского правительства вывести свои войска и корабли флота из китайских вод, а также предложило «содействие» в разоружении тех частей и кораблей, которые не в состоянии были быстро эвакуироваться. Одновременно к портам и военно-морским базам японских городов Иокосука, Куре, Сасебо подвозились для погрузки части экспедиционной армии, которая должна была отправиться к берегам Шаньдуна и к Маршалловым, Каролинским и Марианским островам на Тихом океане^[4]. Для прикрытия замысла опередить другие державы в захвате германских владений премьер-министр Японии С. Окума выступал с официальными заверениями, что Япония якобы «не имеет никаких территориальных притязаний в Восточной Азии»^[5]. В действительности же именно территориальные притязания лежали в основе решения Токио, вопреки пожеланиям стран Антанты и США вступить в Первую мировую войну. В еще меньшей степени японское правительство учитывало позицию самого Китая, правительство которого, заявив 6 августа о нейтралитете, обратилось к воюющим державам с просьбой не переносить военные действия на китайскую территорию, арендованную Германией, Великобританией, Россией и Японией, а также в китайские воды.

23 августа в Японии был обнародован манифест об объявлении войны Германии. В тот же день японская корабельная артиллерия обстреляла крепость Циндао, которую занимали немцы, а затем японский десант осадил ее с трех сторон. В 1914 г. Циндао был довольно крупным портовым городом с населением в 40 тыс. человек, из которых около 2 тыс. были европейцами, преимущественно немцами, до 1 тыс. – японцами и свыше 34 тыс. – китайцами^[6].

Против находившегося в Циндао полуторатысячного немецкого гарнизона и собранных со всего Китая 3 тыс. немцев-резервистов японцы сосредоточили 30 тыс. человек. Для переброски десанта были зафрахтованы 50 транспортов, а для прикрытия операции с моря специально сформирован 2-й флот, в состав которого входили 39 боевых кораблей^[7].

Высадка японского десанта проводилась со 2 сентября по 5 октября 1914 г. Подготовка к штурму заняла целый месяц. Наконец, в ночь с 6 на 7 ноября японцами была предпринята разведка боем, в ходе которой им удалось захватить форт в центре оборонительной линии. Отсюда японские подразделения просочились в глубь обороны. И хотя на других участках оборонительной линии японцы были отбиты, но боеприпасы немцев заканчивались, в 5 часов 7 ноября комендант крепости отдал приказ о ее сдаче^[8].

Стремясь не допустить единоличного захвата Циндао японцами, китайское правительство Юань Шикая направило к крепости свои войска. Сюда же были переброшены английский отряд в 1350 человек, а также английский линкор и эсминец. Попытку привлечь к операции силы Франции и России японцы решительно отклонили. В результате крепость была взята как бы объединенными силами японцев и англичан, хотя сами японцы рассматривали взятие Циндао исключительно как свою победу.

Вслед за Циндао японские войска овладели принадлежавшей Германии железной дорогой длиной в 256 миль от порта Циндао до центра провинции Шаньдун – города Цзинань, а также захватили ряд горных и других предприятий. В результате фактически вся провинция с населением 30 млн человек оказалась под контролем Японии. В октябре – ноябре 1914 г. силами японского флота были оккупированы и островные владения Германии на Тихом океане.

На этом участие Японии в военных действиях в Первой мировой войне ограничилось. Японские потери в ней составили около 2 тыс. человек убитыми и ранеными. Хотя военные действия Японии не шли ни в какое сравнение с кровопролитными сражениями в Европе, Япония рассматривала себя равноправной союзницей стран Антанты, внесшей военный вклад в победу над Германией и Австро-Венгрией, а потому считала правомочным претендовать на все германское наследство в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако гарантии, что

западные державы согласятся с обладанием Японией всеми оккупированными в годы войны территориями, не было. Это раздражало японское правительство, особенно военные круги, которые прямо заявляли, что господствовать в Восточной Азии должна «страна Ямато» (Япония).

18 января 1915 г. японское правительство предприняло попытку заставить власти Китая признать главенствующее положение Японии в этой стране. Правительству Юань Шикая был вручен документ, получивший в истории название «21 требование». Требования были разделены на пять групп, четыре из которых включали в себя условия, предусматривавшие передачу Японии прав на бывшее германское владение в Шаньдуне, расширение привилегий в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, отказ Китая от предоставления третьим странам прав на аренду китайских портов и островов; строительство дорог, портов, хранилищ и складов должно было перейти в руки японских концернов.

В соответствии с пятой группой требований устанавливалось руководящее положение японцев в государственной, политической, экономической и культурной жизни Китая. Китайское правительство обязывалось приглашать японцев в качестве политических, финансовых и военных советников. Китай должен был приобретать в Японии свыше 50 % необходимого ему вооружения, создавать на своей территории объединенные японо-китайские арсеналы оружия^[9]. Удовлетворение этих требований напрямую ущемляло суверенитет Китая, ставило его в зависимое положение от Японии. Речь шла уже не о правах Японии в Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии, и не о Шаньдуне, который японцы считали «завоеванным», но о фактическом установлении японского протектората над всем Китаем.

Патриотические силы Китая предприняли попытки противостоять японскому диктату, рассчитывая на поддержку США, Великобритании и Франции. Однако эти расчеты не оправдались: США и Великобритания, не желая обострять отношения с японцами, рекомендовали китайскому правительству во избежание прямого конфликта с Японией пойти на частичное удовлетворение ее требований. Для «подкрепления» своих требований Япония направила 7 тысяч дополнительных войск в Южную Маньчжурию и Шаньдун, а в

начале мая объявила о мобилизации сухопутных и морских сил. Несмотря на развернувшееся по всей стране антияпонское движение, 9 мая Юань Шикай, опасаясь, что японцы прибегнут к военной силе, принял большинство условий, за исключением пятой группы требований, и 25 мая подписал соответствующие японо-китайские соглашения. День принятия «21 требования» – 9 мая – стал в Китае днем национального позора.

Китайское правительство стремилось оставаться вне мировой войны. Это соответствовало интересам Японии, которая опасалась, что, вступив в войну, Китай по ее завершении получит право голоса на переговорах о послевоенном урегулировании и станет претендовать на возвращение немецких владений в Шаньдуне.

В первые месяцы войны особого смысла в участии в ней Китая не видели и западные державы. Однако к осени 1915 г. государства Антанты стали выступать за вовлечение Китая в мировой конфликт. Большую заинтересованность в этом проявляла главным образом Франция, которая хотела получить из Китая живую силу. Заметим, что после вступления в войну Китай послал на европейский фронт 130 тыс. рабочих для тыла и подготовил экспедиционный корпус в 100 тыс. человек. Участие в войне обошлось Китаю в сумму около 200 млн китайских долл. ^[10]

Признавая возросшее влияние Японии на китайское руководство, правительства стран Антанты стали убеждать японцев побудить Китай к вступлению в войну. За свое содействие в объявлении Китаем войны Германии японское правительство требовало от Великобритании обещания поддержать претензии Токио на бывшие германские владения. Склоняясь к этому, английское правительство взамен добивалось от японцев признания прав Лондона на германские острова южнее экватора. С японскими претензиями на германские владения соглашались и Франция и Россия. В случае вступления Китая в войну против Германии в Токио рассчитывали на то, что совместное участие в войне, кроме всего прочего, теснее свяжет Китай с Японией ^[11].

К этому времени Япония имела большое влияние на китайского генерала Дуань Цижую, который после смерти Юань Шикая в июне 1916 г. стал премьер-министром Китая. Добиваясь положения полновластного хозяина Китая, генерал сделал ставку на японцев, постепенно сам превращаясь в их ставленника. При этом важную роль

играла щедрая финансовая поддержка, оказывавшаяся Дуань Цижую и его окружению со стороны японского правительства. С января 1917 г. по сентябрь 1918 г. японцы оказали ему крупную финансовую помощь, передав 145 млн иен^[12] – так называемые «займы Нисихары». В обмен на это японцы получали все новые концессии на железные дороги, золотые прииски, угольные и железорудные шахты, расширяли свое экономическое и политическое влияние в Китае. Одним из условий предоставления займов было согласие китайского правительства на размещение японских войск в северных районах Китая.

16 февраля 1917 г. японское правительство добилось официального соглашения с Великобританией о передаче Японии после войны провинции Шаньдун. Затем 1 марта поддержка японских притязаний в Китае и на Тихом океане была оформлена японо-французским соглашением, а 5 марта – русско-японским соглашением^[13].

Если для Великобритании обещание передать германские владения Японии было вынужденным и всерьез расходилось с курсом Лондона на ограничение влияния Токио в Восточной Азии, то царская Россия активно поддерживала японские территориальные приобретения в Китае, рассматривая Японию как противовес Великобритании. К тому же ослабленная войной и внутренними проблемами Россия была заинтересована в японских военных поставках. Японцы обещали отправить в Россию 700 тыс. винтовок и другое вооружение на 300 млн иен.

3 июля 1916 г. между Россией и Японией был подписан договор, направленный не только против Китая, но до известной степени против Великобритании. Главный его смысл состоял в том, чтобы обеспечить в Китае в первую очередь интересы России и Японии и не допустить, чтобы Китай попал под «владычество какой-либо третьей державы». Под «третьей державой» подразумевались США и Великобритания.

Для того чтобы добиться от стран Антанты и США признания японских захватов в Китае и на Тихом океане, японское правительство прибегло к шантажу в отношении этих государств, намекая, что может заключить сепаратный мир с Германией. Несмотря на объявление Германией войны, японцы открыто заявляли, что будут оказывать покровительство германским подданным в Японии, не препятствовать

их экономической деятельности и свободному передвижению по стране. Японское правительство демонстративно ответило отказом на просьбы держав Антанты отправить японские войска и военные корабли на западный фронт против Германии, долго не присоединялось к лондонской декларации о незаключении с Германией сепаратного мира. Такая политика давала свой эффект – страны Антанты всерьез опасались, что Япония в удобный для нее момент может перейти на сторону Германии и попытается захватить их дальневосточные владения^[14].

После объявления США 6 апреля 1917 г. войны Германии и Австро-Венгрии Вашингтон тоже стал соглашаться с официальным выступлением Китая на стороне держав Антанты. Однако для США это было трудное решение, ибо они опасались, что в таком случае Япония сможет установить свой контроль над армией и флотом Китая и еще больше укрепиться в нем. В Вашингтоне понимали, что с окончанием Первой мировой войны американо-японские противоречия в Азиатско-Тихоокеанском регионе не только не ослабеют, а, наоборот, будут усиливаться. Поэтому американцы, как могли, противились японской экспансии в Китае, стремились уходить от обещаний поддержать японские претензии на германское наследство на Востоке. Это проявилось при достижении 4 ноября 1917 г. американо-японского соглашения, оформленного обменом нотами государственного секретаря США Р. Лансинга и посла Японии в США Н. Исии. В этом соглашении указывалось: правительство США признает, «что Япония имеет специальные интересы в Китае, в частности в той части, с которой граничат ее владения»^[15]. Японцы толковали это положение чуть ли не как согласие США на обладание Японией не только Шаньдунской провинцией, но и всем Северным Китаем, Ляодунским полуостровом и Южной Маньчжурией. Американцы же заявляли, что термин «специальные интересы» распространяется на японские предприятия, а не на японское государство. Тем не менее это была серьезная уступка Японии, в которой проявилось стремление США не обострять отношений с Токио, жертвуя для этого интересами Китая.

Итак, состоявшиеся в годы войны соглашения Японии со странами Антанты и США достигались за спиной Китая и являлись не чем иным, как сделками за счет китайского народа. Они свидетельствовали о том, что после окончания войны мировые

державы готовились продолжить борьбу за раздел Китая, всячески препятствовать достижению им независимости и национального возрождения.

С конца 1917 г. еще одним объектом экспансионистских устремлений Японии стали дальневосточные владения бывшей Российской империи. 12 ноября у премьер-министра генерала Тэраути состоялось совещание по русскому вопросу. Оно приняло тактику «выжидания и наблюдения». Но с начала декабря курс на интервенцию с целью участия в расчленении России и создания марионеточных режимов на ее окраинах начал все больше привлекать внимание японских политиков. В печати стали все сильнее звучать интервенционистские мотивы. Так, 3 декабря газета «Хоти», наиболее тесно связанная с милитаристскими кругами, с циничной откровенностью писала, что независимость Сибири представляла бы особый интерес для Японии. Газета намечала границы будущего марионеточного государства – к востоку от Байкала со столицей в Благовещенске или Хабаровске. Здесь же выдвигались и объяснения, почему японские войска можно направлять в Сибирь и не следует отсылать на германский фронт во Францию^[16].

Сообщение о начале переговоров о заключении перемирия между Россией и странами Четверного союза было широко использовано для пропаганды интервенционистских планов. Советскому правительству приписывалось намерение оказать помощь Германии в войне против Антанты. Эта версия была особенно выгодна японцам, поскольку давала им возможность выдавать вторжение в Россию за борьбу против германской опасности. Уже к концу декабря японский генштаб закончил все необходимые расчеты, связанные с подготовкой интервенции в России. Его планы предусматривали прямую оккупацию русского Дальнего Востока и Северной Маньчжурии. Министерство иностранных дел Японии проявляло интерес и к вопросу о мерах контроля над Транссибирской железной дорогой. 27 декабря министр иностранных дел Мотоно открыто высказался за интервенцию.

Тем временем из России продолжали поступать неутешительные для Антанты известия (начало мирных переговоров в Брест-Литовске и т. д.). Правительства Великобритании, Франции, а затем и США вынуждены были, преодолевая свое недоверие к Японии, предоставить

ей «свободу действий» на российском Дальнем Востоке. 27 февраля 1918 г. Лансинг официально сообщил о том, что США согласны на японскую интервенцию в Сибири^[17]. Таким образом, Япония получила легальную возможность приступить к реализации своих планов в отношении России. Интервенция там была начата как коллективное мероприятие держав Антанты, США и Японии. Но довольно скоро инициатива в этом регионе перешла в руки Японии и сохранялась за ней до самого конца вооруженного вторжения.

Дальневосточный вопрос на Версальской конференции

11 ноября 1918 г. в 5 часов утра в Компьенском лесу, близ Парижа, были подписаны условия перемирия между странами Антанты и Германией. В 11 часов раздались первые выстрелы артиллерийского салюта наций в 101 залп, возвестившего об окончании Первой мировой войны^[18].

Япония вышла из Первой мировой войны значительно усиленной. В основном это произошло в результате резкого увеличения в годы войны японской внешней торговли. Занятые войной европейские державы были не в состоянии снабжать своими товарами внеевропейские рынки, чем и не преминула воспользоваться Япония, наводнив товарами Китай, Индию, страны Африки и южных морей. В 1918 г. японский экспорт составил 1962 млн иен против 632 млн в 1913 г., а импорт – 1662 млн иен против 729 млн в те же годы. По сравнению с 1913 г. японский экспорт за 1915–1918 гг. в среднем увеличился: в Европу – на 66 %, в Азию – на 125 %, в Северную Америку – на 113 %, в Южную Америку – на 629 %, в Африку – на 1002 %^[19].

С 1914 по 1919 г. объем промышленной продукции Японии вырос более чем в два раза. Японский торговый флот монополизировал перевозки на Тихом океане. Вдвое увеличился тоннаж коммерческого флота. Доходы от фрахта возросли с 40 млн иен в 1913 г. до 1 млрд иен за 1915–1918 гг. Количество доков и ремонтных баз достигло 271, что позволяло одновременно строить и ремонтировать 443 корабля общим водоизмещением более 540 тыс. тонн^[20]. В целом доход Японии за годы войны оценивался почти в 3 млрд иен^[21]. Значительно увеличилась и военно-промышленная база производства вооружения для армии и военно-морского флота.

Возросший экономический и военный потенциал позволил Японии претендовать наряду со странами Антанты и США на руководящее положение на открывшейся 18 января 1919 г. мирной конференции в Париже. Хотя поначалу западные державы сомневались в целесообразности предоставления Японии на конференции равных с

ними прав^[22], японское правительство все же добилось включения своих представителей в рабочий орган парижской конференции «Совет десяти», в который вошли по два делегата от США, Великобритании, Франции, Италии и Японии. Японцы принимали участие и в работе «Совета четырех», состоявшего из президента США В. Вильсона, французского премьер-министра Ж. Клемансо, английского – Д. Ллойд Джорджа и итальянского – В.Э. Орландо. Японскую делегацию возглавлял маркиз К. Сайондзи.

Согласие западных держав на участие Японии в руководящих органах конференции во многом диктовалось тем, что они были весьма заинтересованы в активном участии японских войск в интервенции на советском Дальнем Востоке: «Союзники также страстно желали, чтобы Япония поставила в 1918 г. львиную долю войск для совместного экспедиционного корпуса в Сибири и взяла на себя командование»^[23].

Китай же был допущен на конференцию лишь как страна, «имеющая интересы частного характера», что ставило его в один ряд с Грецией, Португалией, Гватемалой и другими малыми государствами^[24]. Однако и это не устраивало Японию, которая добивалась от китайского правительства, чтобы оно поручило японской делегации защиту его интересов. Тем самым Япония стремилась продемонстрировать европейским державам и США, что Китай уже стал зависимым от Токио государством. Когда этого сделать не удалось, японцы приложили немалые усилия, чтобы в состав китайской делегации вошли японские ставленники из клики Дуань Цижуня. И они этого добились – китайскую делегацию возглавил прояпонски настроенный министр иностранных дел пекинского правительства Лу Чжэнсян, в свое время подписавший соглашение с Японией, заключенное на основе «21 требования». Однако в состав делегации были включены и сторонники США и Великобритании – посланник Китая в США Гу Вэйцзюнь (Веллингтон Ку – так он изменил свое имя, чтобы иностранцам было легче его произносить), посланник Китая в Великобритании Ши Чжаоцзи и др.

На китайскую делегацию правительством страны были возложены следующие задачи: 1. Возвращение Китаю Шаньдуна и ликвидация договоров 1915 г., заключенных с Японией на основе «21 требования». 2. Ликвидация всех особых прав и привилегий

иностранных держав в Китае. Под этим понимались: а) ликвидация сфер влияния; б) вывод с территории Китая иностранных военных и полицейских частей; в) ликвидация почтовых учреждений и радиостанций иностранных держав в Китае; г) отказ от консульской юрисдикции; д) возвращение Китаю «арендованных» территорий и селтльментов; е) предоставление Китаю таможенной самостоятельности. 3. Ликвидация всех политических и экономических прав Германии и Австро-Венгрии в Китае^[25].

Так как удовлетворение этих требований прямо затрагивало интересы западных держав, они отказались рассматривать их. Клемансо заявил: «Мы сочувствуем этим пожеланиям Китая, но этот вопрос (о ликвидации неравноправных договоров. – А.К.) не имеет отношения к вопросу о прошедшей войне, поэтому он не будет обсуждаться на конференции»^[26]. Главной целью Токио на конференции было официальное признание в мирном договоре передачи Японии прав на арендованную Германией часть провинции Шаньдун и германские островные владения в Тихом океане, расположенные к северу от экватора. При этом японская делегация ссылалась на секретные соглашения 1916 и 1917 гг., в которых Великобританией, Францией и Россией признавались права Японии на эти территории, а также то, что эти японские требования признало китайское правительство Дуань Цижюя. Основываясь на этих соглашениях, японское правительство дало указание своей делегации в Париже не подписывать мирный договор без удовлетворения японских территориальных требований^[27].

Для того чтобы подкрепить свои позиции, Япония предприняла маневр, предложив внести в устав проектировавшейся Лиги Наций пункт о полном равноправии во всех государствах иностранцев, являющихся подданными государств – членом Лиги Наций независимо от их расы или национальности. Тем самым она стремилась добиться отмены существовавших в США и британских доминионах ограничений в отношении «желтой» иммиграции. Зная, что США и Великобритания не желали включать это невыгодное для них положение в устав Лиги Наций, японцы были готовы снять его в обмен на благоприятное для них решение о «германском наследстве» в Азиатско-Тихоокеанском регионе^[28].

Китайская делегация, рассчитывая на поддержку США, упорно пыталась добиться возвращения ей Шаньдуна. Однако из-за обструкции Японии сделать это было трудно. Китайские представители лишь один раз были допущены на заседание «Совета десяти». Не помогли ни красноречие блестяще владевшего английским языком Веллингтона Ку, ни ссылки на то, что Шаньдун являлся колыбелью китайской цивилизации, родиной Конфуция и Мэнцзы, ни заявления о том, что соглашения 1918 г. с японцами носили временный характер.

Японский делегат Н. Макино в категорической форме требовал юридического оформления в мирном договоре согласия Германии на передачу Шаньдуна Японии как завоеванной территории. При этом, следуя указаниям Токио, японская делегация угрожала в случае нежелания «Совета десяти» удовлетворить эти требования отказаться от вступления в Лигу Наций, повторяя демарш Италии, требовавшей на конференции передачи ей ранее принадлежавшей Австро-Венгрии территории Фиуме, которая отходила Югославии.

Если Великобритания и Франция соглашались на японские требования о передаче прав на Шаньдун, то президент США Вильсон считал, что эта провинция должна быть возвращена Китаю. Американцы не желали закрепления Японии в Китае, ибо это осложняло им осуществление собственного курса на преобладающую экономическую и политическую роль в этой стране. В середине апреля 1919 г. государственный секретарь США Лансинг выдвинул компромиссный вариант, предложив передать все права Германии в Шаньдуне США, Англии, Франции, Японии и Италии. Речь шла о коллективной опеке этой территории. Япония сразу же отвергла этот вариант, не желая ни с кем делить «завоеванные» китайские земли. Вильсон продолжал дипломатические маневры, стремясь все же не допускать безраздельного господства Японии в Шаньдуне, небезосновательно опасаясь, что Токио на этом не остановится и продолжит распространение японского влияния в Китае. Однако японцы твердо отстаивали свою позицию, зная, что Вильсон был весьма заинтересован в создании Лиги Наций и приобретении в этой международной организации руководящего положения. Сопровождаемый дипломатическим скандалом демонстративный отказ

Японии войти в Лигу Наций мог серьезно нарушить эти планы американского президента.

Положение Вильсона осложнилось еще больше, когда госдепартамент США, усмотрев опасность «победы» Японии в шаньдунском вопросе, открыто выразил недовольство ходом парижских переговоров. Глава дальневосточного отдела госдепартамента У. Уильямс еще 16 января направил американской делегации письмо, в котором подчеркивал, что «не может быть мира на Дальнем Востоке, пока Япония продолжает свою агрессивную политику в отношении Китая». Затем 9 апреля он выступил с меморандумом, призывавшим к «прямому возвращению Китаю прав на Шаньдун, ранее принадлежавших Германии»^[29].

На проходивших с 22 по 28 апреля совещаниях Вильсона, Клемансо и Ллойд Джорджа главы японской и китайской делегаций выступали отдельно. Как и опасался Вильсон, из выступления японского представителя стало ясно, что без решения в ее пользу шаньдунского вопроса Япония не подпишет мирного договора и не вступит в Лигу Наций. Не желавшие осложнять отношения с Японией и весьма заинтересованные в активном участии японских войск в вооруженной интервенции против Советской России Великобритания, Франция и Италия согласились принять японские требования. Уступил японскому давлению и Вильсон. Для того чтобы «сохранить лицо», американская делегация обставила свою уступку не как согласие с японской позицией, а как уважение японо-китайских соглашений 1915 г. и 1918 г., в которых Китай сам отказывался от Шаньдуна в пользу Японии. Объясняя свое решение пойти на уступки Японии, Вильсон заявил: «Если бы Япония ушла с конференции, то мирная конференция была бы сорвана. Единственная надежда создать сплоченный мир – образовать Лигу Наций с Японией в Лиге и тогда попытаться обеспечить справедливое отношение к китайцам не только со стороны Японии, но и Америки, Англии, Франции, России – всех тех, у которых есть концессии в Китае. Если бы Япония покинула конференцию, имелась опасность японо-русско-германского союза и возвращения к старой системе «баланса сил» в мире еще в более широких масштабах, чем даже раньше. Вильсон знал, что его решение будет «непопулярным в Америке, что китайцы будут жестоко разочарованы, что жадные японцы будут чувствовать себя

триумфаторами, что он будет обвинен в нарушении собственных принципов, но тем не менее он должен работать для мирового порядка и организации против анархии и возвращения к старому милитаризму». Вся эта риторика не могла скрыть того, что США в очередной раз предали Китай, нарушив данные ему обещания.

Хотя Вильсон усматривал главную опасность для создания Лиги Наций в позиции Японии, эта опасность пришла совсем с другой стороны – из Вашингтона. Расценив решение по шаньдунскому вопросу как недопустимую уступку Японии, сенат США не ратифицировал Версальский договор и выступил против вступления США в Лигу Наций.

30 апреля были приняты решения по шаньдунскому вопросу, оформленные в статьях 156–158 Версальского договора. По этим статьям Германия отказывалась от всех прав и привилегий в Шаньдуне в пользу Японии. 7 мая Верховный совет Антанты передал Японии мандат на принадлежавшие Германии тихоокеанские острова к северу от экватора. Хотя японцы и рассчитывали, что эти острова будут переданы им не в опеку, а в собственность, в Токио согласились с этим. Япония получила под свой контроль три основные группы островов – Марианские, Маршалловы и Каролинские, а также около 1400 мелких островов, общей площадью в 800 кв. миль^[30]. Таким образом, все территориальные требования Японии были удовлетворены и японская колониальная империя значительно расширилась.

Китайская делегация отказалась подписать Версальский мирный договор. Открытое игнорирование западными державами законных интересов Китая вызвало в этой стране взрыв возмущения, что положило начало Движению 4 мая. Создавались добровольческие отряды защиты провинции Шаньдун, студенческие забастовки протеста охватили города Тяньцзинь, Шанхай, Нанкин, Цзинань, Бодин и др. Движение 4 мая стало важным этапом в национально-освободительной борьбе китайского народа.

Мирный договор не только не «обеспечил длительный и прочный мир на земле», как это пытались утверждать творцы версальской системы, но, напротив, углубил противоречия между империалистическими державами. Это особенно ярко проявилось в ситуации вокруг Китая, где напрямую столкнулись экономические и

политические интересы, прежде всего Японии и США. Шаньдунский вопрос лишней раз убедил американцев и весь мир в том, что Япония не откажется от планов добиться полного владычества в Китае и на Тихом океане. Было очевидно, что, получив дополнительные опорные базы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Япония не успокоится на достигнутом и продолжит политику вытеснения из этой части мира старых колониальных держав, будет противодействовать американской экспансии. При этом молодой японский империализм не останавливался перед перспективой добиваться своих целей любыми средствами, вплоть до вооруженной борьбы.

Проводимая в годы Первой мировой войны политика умиротворения Японии за счет интересов Китая не только не ограничила японскую экспансию, но, наоборот, поощрила все новые вооруженные захваты в Восточной Азии, проложила путь к еще более кровопролитной Второй мировой войне.

Глава 2. Спологи войны на Дальнем Востоке

«Восемь углов под одной крышей»

После окончания Первой мировой войны и победы пролетарской революции в России среди азиатских народов активизировалось национально-освободительное движение. Это препятствовало осуществлению замыслов Японии по вытеснению из Восточной Азии и бассейна Тихого океана европейских государств, не давало возможности занять их место и создать здесь японскую колониальную империю.

Ослабленная вооруженной интервенцией и Гражданской войной молодая Советская Республика была занята восстановлением разрушенной экономики и в 20-е годы не рассматривалась Японией как серьезный противник, способный реально противостоять японской экспансии на Азиатский материк. Однако японские стратеги не могли не учитывать, что «в будущем Советский Союз во весь голос заявит о себе». Поэтому ставилась задача «принять меры против разлагающего красного влияния Советского Союза»^[31].

Японские правящие круги были недовольны Вашингтонским договором, подписанным в феврале 1922 г. с западными державами, ограничивавшим японскую экспансию на Азиатский континент и в районы Тихого океана. В японской прессе открыто заявлялось: «Если наши экономические и культурные начинания в Китае и Сибири будут прекращены, нам уготована участь изолированной и беззащитной островной страны»^[32].

На проходивших в 1923 г. совещаниях военно-политического руководства, возглавляемых императором, выработывались основы внешней политики и стратегии Японии на последующий период. На них были намечены два главных направления экспансии Японии – северное и южное. В соответствии с этим в качестве вероятных противников определялись СССР и США, политика которых могла реально воспрепятствовать установлению японского господства в Китае и других восточноазиатских странах. При этом подготовка к будущему военному противостоянию СССР возлагалась в основном на сухопутные войска. Против США и Великобритании же должен был действовать главным образом военно-морской флот империи.

Если война против США в те годы рассматривалась как теоретическая возможность и планировалась лишь в общих чертах, то планы будущей войны с СССР с самого начала приобрели вполне зримые очертания. При этом речь шла о сражениях не на территории Маньчжурии и Кореи, как в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг., а на территории Советского Союза, причем преследовались весьма решительные цели.

В 1923 г. японский генеральный штаб армии разработал план будущей войны против СССР, которым предусматривалось «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступать на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский»^[33].

Однако осуществить подобный план в 20-е гг. не представлялось возможным. Интервенция на советский Дальний Восток продемонстрировала слабость боевой подготовки и технического вооружения японской армии. Рассчитывавшие в ходе интервенции на легкую победу над революционной Россией японские генералы, по признанию историков, «на собственном опыте испытали мощь коммунистического государства, проявившуюся в объединении красных идей с военными действиями»^[34]. Наиболее здравомыслящие политики и представители деловых кругов Японии предлагали воздержаться от агрессивных действий против СССР, установить с ним дипломатические и торгово-экономические отношения. При этом считалось, что ради нормализации советско-японских отношений правительство СССР может пойти на серьезные уступки Японии. В частности, нормализация отношений с СССР рассматривалась в Токио как важное средство «нейтрализации» Советского Союза на период японской экспансии в Китае. Идея «нейтрализации» СССР, недопущения его противодействия японской экспансии в Восточной Азии легла в основу японской стратегии и дипломатии в межвоенный период.

Политика вооруженных захватов приобретала все большее число сторонников в Японии по мере углубления экономического кризиса конца 20-х гг. Японские правящие круги стали еще более активно искать способы решения внутренних проблем на путях внешней

экспансии. Усиливавшие свое влияние в политике военные круги добились в апреле 1927 г. формирования кабинета, который возглавил генерал Танака Гиити. Он же стал министром иностранных дел Японии.

27 июня 1927 г. в Токио открылась так называемая «восточная конференция», в работе которой принимали участие руководители японского министерства иностранных дел, армии и флота, а также японские дипломаты, аккредитованные в Китае. Главной темой конференции была выработка политики в отношении Китая. Обсуждение вопроса о Китае было вызвано не только целями экономической экспансии в эту страну, но и стремлением подавить освободительную борьбу китайского народа, которая вылилась в антиимпериалистическую революцию 1925–1927 гг.

Еще в годы японской интервенции против Советской России на Дальнем Востоке правительством Японии ставилась задача «внедрить мощь Японии в Северной Маньчжурии», «стабилизировать государственную оборону на континенте путем превращения всей Маньчжурии в особую зону»^[35]. Впоследствии в эту зону была включена и Монголия. По итогам «восточной конференции» 7 июля был принят и опубликован документ «Политическая программа в отношении Китая», суть которой состояла в том, что Маньчжурия и Монголия были объявлены «предметом особой заботы Японии». В программе указывалось: «В случае возникновения угрозы распространения беспорядков на Маньчжурию и Монголию, в результате чего будет нарушено спокойствие, а нашей позиции и нашим интересам в этих районах будет нанесен ущерб, империя должна быть готова не упустить благоприятной возможности и принять необходимые меры с целью предотвратить угрозу, от кого бы она ни исходила...» Подлинный смысл этого положения раскрыл один из организаторов «восточной конференции» заместитель министра иностранных дел Японии Мори, который признавал, что речь шла об отторжении Маньчжурии и Монголии и превращении их в сферу японского влияния. На отторгнутых территориях предполагалось создать марионеточные государства. Какие бы силы ни мешали осуществлению японских планов, говорил Мори, на них должна «обрушиться вся государственная мощь»^[36]. «Эта конференция делала

маньчжурский инцидент неизбежным», – указывается в японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии»^[37].

Вскоре после завершения работы «восточной конференции» 25 июля 1927 г. премьер-министр Танака вручил императору Хирохито меморандум, в котором были сформулированы стратегические цели японского государства. Этот секретный документ при всей его прагматичности и конкретности во многом имел идеологический характер, ибо базировался на идеях «хакко ити у» и «кодо».

Понятие «хакко ити у», дословно «восемь углов под одной крышей», было заимствовано из японской древней императорской хроники «Нихон сёки» («Анналы Японии»), составление которой было завершено в 720 г. В рукописи это высказывание приписывалось мифическому императору Дзимму, который, по преданию, вступил на престол в 660 г. до н. э. В своем первоначальном значении понятие «хакко ити у» означало всеобщий принцип гуманности, который, как предполагалось, в конце концов распространится на весь мир. В период Токугава это изречение стало толковаться как идея верховенства Японии над миром^[38]. Осуществить принцип «хакко ити у» надлежало путем обеспечения «единства императорского пути» – «кодо».

В период незавершенной буржуазной революции 1868 г. император Мэйдзи, восстановивший императорскую власть в стране, официально провозгласил эти два принципа в своем рескрипте от 1871 г. В то время они воспринимались как призыв к сплочению и патриотизму японского народа. Однако в 20—30-х гг. XX в. японские милитаристские круги использовали эти принципы для обоснования идеи территориальной экспансии, придали им смысл идеологического постулата политики завоевания чужих территорий. Как указывалось в документах Токийского военного трибунала для японских военных преступников, «понятия “хакко ити у” и “кодо” в конце концов стали символами мирового господства, осуществляемого при помощи военной силы»^[39]. Именно на эти символы ссылался генерал Танака в своем меморандуме, когда писал о том, что представленный японскому монарху план завоевания японского господства в мире «завещан нам императором Мэйдзи».

В преамбуле меморандума указывалось: «Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и

Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша и не осмелится оспаривать наши права. Таков план, завещанный нам императором Мэйдзи, и успех его имеет важное значение для существования нашей Японской империи.

...Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы. Но захват контроля над Маньчжурией и Монголией явится лишь первым шагом, если нация Ямато желает играть ведущую роль на Азиатском континенте»^[40].

Главными препятствиями на пути осуществления этой экспансионистской программы в меморандуме были названы США и СССР. Именно на вооруженную борьбу с ними нацеливалась японская империя.

В отношении США в меморандуме говорилось: «...В интересах самозащиты и ради защиты других Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политики “крови и железа”. Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с Америкой, которая натравливает на нас Китай, осуществляя политику борьбы с ядом при помощи яда. Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в русско-японской войне»^[41].

Тем самым в японской военной доктрине и стратегии формировалось так называемое «южное направление экспансии», предусматривавшее будущее вооруженное столкновение с Соединенными Штатами Америки и Великобританией в борьбе за обладание странами Восточной и Юго-Восточной Азии и стран южных морей. При этом важно иметь в виду, что подготовка к такому столкновению определялась как одна из задач империи.

Но в стратегической программе экспансии Японии важное место отводилось также и будущему, как указывалось в меморандуме, «неминуемому конфликту с красной Россией». Ставилась задача устранить любое влияние СССР в Китае и Монголии. Осуществить это предусматривалось под надуманным предлогом недопущения

«продвижения красной России на юг» – в Маньчжурию и Монголию. Понимая, что СССР едва ли согласится с доминированием Японии в Азии и существованием постоянной угрозы на дальневосточных и южных границах своего государства, составители меморандума прогнозировали будущую войну с Советским Союзом. В документе говорилось:

«...К счастью, красная Россия с каждым днем теряет свое влияние и не в состоянии продвигаться дальше в Маньчжурию и Монголию. Поэтому китайцы должны поддерживать именно нас в нашем железнодорожном строительстве.

Но красная Россия, несмотря на ослабление своей мощи, не оставляет своих планов проникновения в Маньчжурию и Монголию. Каждый ее шаг в этом направлении не может не препятствовать нашим целям и интересам Южно-Маньчжурской железнодорожной компании. Поэтому мы должны всеми силами воспрепятствовать проникновению красной России. Под предлогом того, что красная Россия готовится к продвижению на юг, мы прежде всего должны усилить наше постепенное продвижение в районы Северной Маньчжурии, захватить таким путем богатейшие ресурсы этого района страны, не допустить на юге продвижения Китая на север, а на севере не допустить продвижения красной России на юг.

...Продвижение нашей страны в ближайшем будущем в район Северной Маньчжурии приведет к неминуемому конфликту с красной Россией. В этом случае нам вновь придется сыграть ту же роль, которую мы играли в русско-японской войне. Восточно-Китайская железная дорога станет нашей точно так же, как стала нашей Южно-Маньчжурская, и мы захватим Гирич, как тогда захватили Дайрен. В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Южной Маньчжурии для овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот подводный риф не будет взорван, мы не сможем пойти быстро вперед по пути проникновения в Маньчжурию и Монголию»^[42].

Однако в обозримом будущем японские политики и военные круги стремились избежать обострения отношений с Россией. Об этом, в частности, свидетельствовало установление в 1925 г. между двумя государствами дипломатических отношений. Более того, японскими

планами предусматривалось даже использовать СССР для овладения Японией Китаем. В меморандуме Танаки было записано:

«...Но для того, чтобы соперничать с красной Россией в области экономики и политики, мы сначала обязательно должны превратить Китай в свой аванпост, а сами будем контролировать его с тыла и тем самым воспрепятствуем росту влияния красной России. *Одновременно мы должны тайно блокироваться с красной Россией* (курсив мой. – А.К.), воспрепятствовать таким путем росту влияния Китая и обеспечить тем самым завоеванные нами права в Маньчжурии и Монголии.

Целью политики восстановления японо-русских дипломатических отношений, провозглашенной в свое время г-ном Гото Симпэй^[43], и приглашения Иоффе^[44] было, главным образом, использование России для обуздания Китая»^[45].

Другими словами, японское правительство и военное командование замыслили «нейтрализовать» СССР на период овладения Маньчжурией, а затем всем Китаем. В возможность осуществления этого намерения в Токио верили, усматривая в активных миролюбивых шагах советского правительства проявление слабости СССР.

Незадолго до «восточной конференции» и вручения императору Японии «меморандума Танаки», в мае 1927 г., советское правительство официально обратилось к японскому правительству с предложением заключить договор о ненападении. Тогда правительство Японии отвергло это предложение, считая, что «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, следует занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий»^[46].

На принятие этого решения большое влияние оказали существовавшие в военных кругах разногласия по поводу дальнейшей политики империи в отношении СССР. К этому времени генеральный штаб армии разработал поэтапный план захвата китайских земель: вначале северо-восток, затем север Китая и Синьцзян. До укрепления Японии на этих пограничных с СССР территориях считалось целесообразным не обострять отношения с Советским Союзом. Одновременно существовала альтернативная точка зрения о том, что проведение быстрой победоносной войны против ослабленного СССР должно предшествовать развертыванию экспансии Японии в

Восточной Азии. Ее сторонники свое мнение обосновывали тем, что Советский Союз может помешать осуществлению экспансионистских планов Японии. Информировав Москву о наличии подобных настроений, посол СССР в Японии А.А.Трояновский писал: «В военных кругах бродят мысли о занятии Сахалина, Приморья и Камчатки»^[47]. Попытка посла 8 марта 1928 г. вновь поставить перед премьер-министром Танакой вопрос о заключении пакта о ненападении была отвергнута. Танака ответил, что «для этого не пришло еще время»^[48].

Однако в Японии не могли не сознавать, что империя экономически была не подготовлена к серьезной войне против СССР. Проявлявшие осторожность японские политики и военные, учитывая опыт Первой мировой войны и интервенции в Россию, понимали, что участие в войне не ограничивается лишь действиями армии и флота, а требует напряжения всех сил государства и народа. Они заявляли, что «Япония не выдержит длительную войну без китайского сырья»^[49]. Учитывалось также, что к началу 30-х гг. в Японии еще не закончился процесс реорганизации и переоснащения вооруженных сил. Поэтому в соответствии с меморандумом Танаки на первый план выдвинулся вынашиваемый годами замысел провести «легкую и быструю» войну в Маньчжурии, отторгнуть эту богатую сырьевыми ресурсами и имевшую важное стратегическое значение провинцию Китая.

Приступая к очередному этапу «собирания» чужих земель под японскую «крышу» (к этому времени колониями империи уже являлись Корея, Тайвань, Южный Сахалин, бывшие германские островные владения в Тихом океане), японское правительство тщательно выбирало момент для агрессии. Решение о захвате Маньчжурии было ускорено разразившимся в мире экономическим кризисом. В Токио учитывалось, что занятые внутренними задачами выхода из кризиса западные колониальные державы не смогут воспрепятствовать захватническим действиям Японии. Учитывалось также, что для Советского Союза было крайне важно обеспечить мирные условия для восстановления страны. Поэтому опасаться отпора японской агрессии в Маньчжурии со стороны СССР также не было оснований.

Оккупация японской армией осенью 1931 г. Маньчжурии оказала важное влияние на последующее развитие советско-японских

отношений. Советское правительство понимало, что выход японских вооруженных сил на границу СССР увеличит опасность военного столкновения с Японией. Поэтому оно, осуждая японскую агрессию, активизировало свои предложения заключить пакт о ненападении, указывая, что отсутствие его не свидетельствует о намерении Японии проводить миролюбивую политику. Народный комиссар иностранных дел СССР (министр иностранных дел) М.М. Литвинов в состоявшейся в Москве 31 декабря 1931 г. беседе с министром иностранных дел Японии К. Есидзава, отметив, что СССР уже имеет пакты о ненападении или нейтралитете с Германией, Литвой, Турцией, Персией, Афганистаном, ведет соответствующие переговоры с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, подчеркнул, что «сохранение мирных и дружественных отношений со всеми нашими соседями, в том числе и с Японией, является основой нашей внешней политики»^[50].

В то время СССР не мог рассчитывать на совместные со странами Запада действия для отпора агрессии Японии. Отношения с Великобританией и Францией были напряженными, а США отказывались дипломатически признать СССР. В одиночку же выступить против Японии Советский Союз не мог.

В Токио не сомневались в искренности стремления Советского Союза заключить пакт о ненападении с Японией. В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом МИД Японии С. Того, говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии»^[51]. И это было действительно так. В начале 30-х годов реальная военная опасность для СССР исходила именно от Японии. Германия еще переживала синдром поражения в войне, а основные западные державы – Великобритания, Франция и США в условиях экономического кризиса были разобщены и занимались внутренними проблемами.

Однако и для Японии, еще не «переварившей» Маньчжурию, большая война с СССР едва ли была возможна.

Думается, не случайно японское правительство долго не отвечало на сделанное Советским Союзом очередное предложение заключить

между двумя государствами договор о ненападении. Некоторые японские политики считали, что в сложившихся после оккупации Маньчжурии новых геополитических условиях едва ли целесообразно категорически отвергать саму возможность заключения с СССР такого соглашения. Ведь договор о ненападении с Советским Союзом мог потребоваться Японии при обострении ее отношений с США, Великобританией и Францией в борьбе за господство в Китае.

Однако было понятно, что заключение советско-японского пакта о ненападении могло посеять у западных держав подозрения относительно стратегии Японии на континенте, побудить их оказать сопротивление ее дальнейшей экспансии в Центральный и Южный Китай. С учетом всего этого отказ Японии от заключения договора о ненападении последовал лишь спустя год, когда стало ясно, что западные державы не только не окажут в Китае сопротивления Японии, но и будут продолжать снабжать ее стратегическим сырьем и военными материалами. 13 декабря 1932 г. японское правительство в официальной ноте вновь заявило, что «еще не созрел момент для заключения договора о ненападении». В ответной ноте советского правительства указывалось, что его предложение «не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики и потому остается в силе и в дальнейшем»^[52].

Одновременно в конце 1932 г. император Японии Хирохито одобрил разработанный генеральным штабом армии план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после захвата Маньчжурии стратегическое положение: в случае войны японской оккупации подлежала обширная часть советской территории к востоку от оз. Байкал^[53].

Вопрос о войне против СССР детально обсуждался на проходившем в июне 1933 г. очередном совещании руководящего состава японских сухопутных сил. Военный министр С. Араки настаивал на том, чтобы готовиться к войне прежде всего против СССР и осуществить нападение на него в 1936 г., когда «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха»^[54]. Генералы Т. Нагата и Х. Тодзио, напротив, считали, что для ведения войны против СССР «Япония должна собрать воедино все ресурсы желтой расы и подготовиться для тотальной войны». Тодзио говорил о рискованности преждевременного выступления.

Поддерживая эту точку зрения, начальник второго управления генерального штаба армии Нагата указывал, что для войны против СССР «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон, и значительно повысить производственные мощности Японии в Маньчжурии»^[55]. Поскольку такую программу выполнить к 1936 г. было трудно, предусматривалось возобновление переговоров с СССР о заключении договора о ненападении.

Главный смысл предложений сторонников подготовки к будущей войне с Советским Союзом состоял в том, чтобы прежде создать в Маньчжурии мощную военно-экономическую базу и покорить Китай. Однако большинство присутствовавших на совещании не приняло этой точки зрения и проголосовало за обращение к императору с рекомендацией сосредоточить усилия и финансовые средства на подготовке к столкновению с СССР, который определялся как «противник номер один»^[56].

Определение Советского Союза «противником номер один» было сделано командованием сухопутных сил империи. Для наращивавшего свою мощь военно-морского флота Японии таким противником оставались США и Великобритания. Однако это не означало, что империя считала себя готовой в обозримом будущем сразиться с этими крупными державами в Восточной Азии и на Тихом океане. Наоборот, в Токио стремились не допустить такого развития ситуации, когда обострение соперничества в борьбе за Китай могло привести к прямому вооруженному столкновению с США и Великобританией. При этом расчет делался на то, чтобы подтолкнуть правительства западных держав к продолжению политики умиротворения Японии. Основанием для такого расчета была позиция США и Великобритании по захвату Японией Маньчжурии. Тогда, в 1931 г., Японии удалось убедить западные державы в том, что оккупация Северо-Восточного Китая была необходима для создания «барьера на пути коммунизма».

Целям демонстрации непримиримости Японии с «красной Россией» служил и отказ заключить с СССР договор о ненападении. В значительной степени такая политика принесла успех. Лидеры США, Великобритании и Франции, уверовав в антикоммунистические цели японского правительства, рассматривали оккупацию Маньчжурии в первую очередь как полицейскую акцию в борьбе против

национально-освободительного движения китайского народа. Президент США Гувер говорил своим приближенным: «Если бы японцы прямо нам заявили: “Наше существование будет поставлено под угрозу, если наряду с соседством на севере с коммунистической Россией мы будем иметь еще на фланге, возможно, коммунистический Китай, поэтому дайте нам возможность восстановить порядок в Китае”, мы не могли бы выдвинуть возражений»^[57]. Ограничиваясь ни к чему не обязывающими заявлениями о «непризнании» японских действий в Китае, западные державы фактически способствовали превращению Маньчжурии в японскую колонию.

Для того чтобы и дальше стимулировать политику «умиротворения» западных держав, японские власти провоцировали на советско-маньчжурской границе различного рода инциденты и конфликты, создавали впечатление неизбежности скорой японо-советской войны. Посол США в Японии Дж. Грю доносил в госдепартамент: «Один из помощников военного атташе сказал мне, что он с группой своих иностранных коллег пришел к заключению, что война (Японии) с СССР совершенно неизбежна и что она начнется весной 1935 г., хотя некоторые из его коллег полагают, что эта война может начаться и раньше»^[58]. В октябре 1933 г. Дж. Грю, сообщая в госдепартамент о решимости Японии «устранить в удобный момент препятствие со стороны России в отношении японских честолюбивых планов», отмечал, что «японцев можно легко побудить вторгнуться в Сибирь»^[59].

В Советском Союзе расценивали обстановку однозначно. 3 марта 1933 г. заместитель наркома по иностранным делам Л.М. Карахан писал в ЦК ВКП(б): «Мне кажется, не может быть двух мнений, что наиболее идеальным выходом из кризиса и из создавшегося на Дальнем Востоке положения для САСШ (США) и для других европейских держав была бы война между СССР и Японией. Нас будут втягивать и толкать на это...»^[60]

Японцы умело использовали заинтересованность западных держав в столкновении Японии с СССР. Еще за несколько месяцев до интервенции в Китай японское правительство официально запросило английское и французское правительства, может ли оно рассчитывать на их прямую поддержку в случае войны Японии с Советским Союзом. Тем самым давалось понять, что целью оккупации

Маньчжурии является обретение плацдарма для войны с СССР. Вскоре после захвата Северо-Восточного Китая японское правительство 19 ноября 1931 г. демонстративно и в жестких выражениях потребовало через своего посла в Советском Союзе «прекращения вмешательства» СССР во внутренние дела Маньчжурии. В ответ 20 ноября нарком по иностранным делам СССР заявил, что «Советское правительство последовательно во всех своих отношениях с другими государствами проводит строгую политику мира и мирных отношений. Оно придает большое значение сохранению и укреплению существующих отношений с Японией. Оно придерживается политики строгого невмешательства в конфликты между разными странами. Оно рассчитывает, что и японское правительство стремится к сохранению существующих отношений между обеими странами и что оно во всех своих действиях и распоряжениях будет учитывать ненарушимость интересов СССР»^[61].

Делая подобное заявление, советское правительство, по сути дела, объявляло о своем нейтралитете в отношении японо-китайского конфликта в Маньчжурии. Тем самым демонстрировалась твердая решимость СССР не допустить своего вовлечения в этот конфликт, как того хотелось бы западным державам. 31 декабря 1931 г. министру иностранных дел К. Ёсидзаве во время его пребывания в Москве было заявлено, что «заключение пакта о ненападении имело бы большое международное значение, что такой пакт был бы особенно кстати теперь, когда будущее японо-советских отношений является предметом спекуляций в Западной Европе и Америке. Подписание пакта положило бы конец этим спекуляциям»^[62].

Однако японцам такая ситуация и такие спекуляции были выгодны. Искусственно нагнетаемая опасность вооруженного столкновения с Японией должна была удерживать Советский Союз от какого-либо вмешательства в маньчжурские события. А напряженность на маньчжурско-советской границе обеспечивала подобное невмешательство с юга, со стороны ожидавших японо-советскую войну США, Великобритании и Франции. В Вашингтоне, Лондоне и Париже с удовлетворением воспринимали сообщения о концентрации на дальневосточных границах Советского Союза крупной группировки японских войск. Только с января по август 1932 г. численность размещенной на границе с СССР японской

Квантунской армии увеличилась более чем вдвое, а количество находившихся на ее вооружении орудий, танков, бронемашин и самолетов возросло в три раза.

В этих условиях, несмотря на отказ Японии заключить с СССР договор о ненападении, советское правительство продолжало дипломатические усилия в этом направлении. Одновременно советская дипломатия предпринимала активные шаги для восстановления и развития отношений с Китаем. 12 декабря 1932 г. состоялся обмен нотами о восстановлении дипломатических отношений между двумя государствами, разорванных в 1929 г. по вине китайских милитаристов. Этот акт являлся для китайского народа определенной политической поддержкой в его борьбе против японских оккупантов.

Важным свидетельством стремления советского правительства лишить японцев всякого повода спровоцировать столкновение с СССР явилось сделанное в июне 1933 г. предложение Советского Союза Японии приобрести построенную Россией в Маньчжурии Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). При этом было принято во внимание, что японцы сознательно нагнетали обстановку вокруг этой дороги, постоянно провоцировали в связи с ее эксплуатацией серьезные конфликтные ситуации. В ходе продолжавшихся два года переговоров советское правительство уступило КВЖД властям марионеточного государства Маньчжоу-Го (а фактически японцам) за 140 млн иен, что было значительно ниже российских вложений в строительство этой дороги.

Однако предпринимавшиеся советской стороной усилия по недопущению обострения отношений с Японией, фактическая политика нейтралитета в отношении японских агрессивных действий в Маньчжурии наталкивались на откровенное нежелание японской стороны поддерживать мирные отношения с северным соседом. Напротив, японское правительство и военное командование сознательно строили свою политику таким образом, чтобы угроза возникновения японо-советской войны на Дальнем Востоке стала постоянным фактором. Это вынуждало СССР принимать меры к укреплению обороноспособности страны на Дальнем Востоке. Началась своеобразная «локальная гонка вооружений» в районе советско-маньчжурской границы. И одна, и другая сторона стремились сосредоточить здесь такое количество войск и вооружений, которое

исключало бы поражение в случае войны. Различие состояло в том, что СССР не имел территориальных притязаний к соседним странам на Дальнем Востоке, а был озабочен обеспечением территориальной целостности и безопасности своего государства. Япония же вступила на путь реализации принципа «хакко ити у», то есть создания насильственным путем обширной колониальной империи, в состав которой планировалось включить и российские дальневосточные и сибирские земли.

25 ноября 1936 г. в Берлине правительствами Японии и Германии был подписан Антикоминтерновский пакт, вторая статья секретного приложения к которому гласила: «Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения». Тем самым вопрос о заключении договора о ненападении с Советским Союзом был японской стороной фактически снят с повестки дня.

Обретение мощных союзников на Западе (вскоре к Антикоминтерновскому пакту присоединились Италия и ряд других входивших в орбиту Германии европейских государств) поощрило Японию к расширению экспансии в Китае, дальнейшему обострению японо-советских отношений.

Агрессия в Китае: война и политика

Ночью 7 июля 1937 г. севернее моста Лугоуцяо, близ Пекина, возникла перестрелка между китайскими солдатами и японскими военнослужащими из состава так называемой гарнизонной армии в Китае. Согласно японской версии, это был инцидент, который якобы по вине китайской стороны был расширен до масштабов войны. Однако японские документы свидетельствуют о том, что японское военно-политическое руководство использовало эти события для реализации существовавших в Японии планов захвата Китая.

В середине 30-х годов японский генеральный штаб армии приступил к планированию операции по овладению Северным Китаем. В 1935 г. один из таких планов предусматривал сформировать специальную армию, которая включала бы японскую «гарнизонную армию в Китае, одну бригаду из Квантунской армии и три дивизии из состава сухопутных сил в метрополии и Корее, которые должны были овладеть Пекином и Тяньцзинем^[63].

В августе 1936 г. японское правительство разработало программу установления господства Японии в Восточной Азии и районе стран южных морей. Политические цели империи были сформулированы в документе «Основные принципы государственной политики», в котором провозглашалось превращение Японии «номинально и фактически в стабилизирующую силу в Восточной Азии». Одновременно была принята программа покорения Северного Китая, где говорилось, что «в данном районе необходимо создать антикоммунистическую, проманьчжурскую зону, стремиться к приобретению стратегических ресурсов и расширению транспортных сооружений...»^[64]. Это полностью отвечало целям и задачам, изложенным в меморандуме Танаки.

Хотя в этих документах отмечалось, что желательно по возможности добиться целей «мирными средствами», в Японии сознавали, что дальнейшая экспансия на Азиатский континент может вызвать сопротивление великих держав. В связи с этим было принято решение об активизации подготовки к войне на двух направлениях: северном – против СССР и южном – против США, Великобритании,

Франции и Голландии. В пересмотренном в 1936 г. «Курсе на оборону империи», а также в документе «Программа использования вооруженных сил» главными потенциальными противниками Японии определялись США и СССР, следующими по важности – Китай и Великобритания^[65].

В Токио считали, что Китай не сможет оказать серьезного сопротивления Японии и легко станет ее добычей. Поэтому в планах Японии на овладение Китаем выделялась лишь часть вооруженных сил империи. Разработанный в 1936–1937 гг. генеральным штабом армии план войны в Китае «Хэй» предусматривал силами пяти (в зависимости от обстановки – трех) пехотных дивизий оккупировать Северный Китай. В Центральном Китае должны были действовать пять, а в Южном Китае – одна японская дивизия. В результате наступательных операций намечалось в качестве опорных пунктов захватить китайские города Тяньцзинь, Пекин, Шанхай, Ханчжоу, Фучжоу, Сямэнь и Шаньтоу. Считалось, что, овладев этими городами и прилегающими к ним районами, Япония сможет контролировать всю китайскую территорию^[66]. Захват всего Китая намечалось осуществить за два-три месяца^[67].

Оккупация всего Китая означала серьезное нарушение интересов западных держав в этой стране. Китайский рынок имел важное значение для экономики США. По сравнению с 1929 г. общий экспорт США в 1937 г. сократился на 34 %^[68]. В обстановке падения спроса на американские товары в Европе монополии США все в большей степени стремились к расширению дальневосточных рынков. Если к концу 1930 г. капиталовложения США в Китае составляли 196,8 млн долларов, то в 1936 г. они уже достигли 342,7 млн долларов. Удельный вес США во внешней торговле Китая в 1936 г. составлял 22,7 %^[69].

Еще большей была заинтересованность в Китае Великобритании, которая, как известно, начала экспансию на Азиатский материк гораздо раньше других стран. Она имела здесь большие капиталовложения в железнодорожном транспорте, морских перевозках, связи, банковском деле. К 1936 г. инвестиции Великобритании в Китае составляли 1141 млн долларов^[70]. Широкое проникновение в китайскую экономику привело в 30-е гг. к углублению как экономического, так и политического сотрудничества Великобритании с Китаем.

Как уже отмечалось, в Токио понимали, что обострение соперничества в борьбе за Китай создавало опасность вооруженного столкновения с США и Великобританией. Готовясь к новым захватам китайской территории, японские лидеры стремились избежать такого развития событий. В середине 30-х годов в Японии была развернута шумная пропагандистская кампания под лозунгами «борьбы с коммунистической опасностью», «агрессивности большевистской России», «кризиса обороны Японии». В начале 1936 г. премьер-министр Японии Хирота заявил в парламенте, что самой большой проблемой на Дальнем Востоке является борьба с «угрозой коммунизма»^[71]. В Токио считали, что антикоммунистический и антисоветский характер планов расширения экспансии на Азиатский континент, как и во времена захвата Маньчжурии, будет способствовать тому, что западные державы, в первую очередь США и Великобритания, вновь не окажут сопротивления японской агрессии в Китае.

Однако поскольку на сей раз речь шла об овладении Японией Центральным и Южным Китаем, где были сосредоточены основные интересы США и Великобритании, требовалась более гибкая политика, обеспечивающая невмешательство в войну этих держав. Военно-морское министерство и главный морской штаб (гунрэйбу), 16 апреля 1936 г. представили правительству «Предложения по вопросу внешней политики».

В документе рекомендовалось, «воспользовавшись сложной ситуацией в Европе и ослаблением позиций Великобритании в Азии, установить тесные связи с английскими колониями, чтобы они удерживали англичан от проведения антияпонской политики». США предлагалось «обратить самое серьезное внимание на увеличение мощи (Японии), вынуждая Америку признать позиции Японии в Восточной Азии, а с другой стороны, установить с США дружественные отношения на основе экономической взаимозависимости»^[72].

Как показали последующие события, расчеты Японии в значительной степени оправдались. Нельзя сказать, чтобы в США не видели опасностей своим позициям в Китае, которые повлечет за собой расширение японской агрессии. Посол Дж. Грю телеграфировал 14 июля 1937 г. в госдепартамент: «Одной из основных целей внешней

политики Японии является устранение влияния западных держав как фактора дальневосточной политики, особенно как фактора в отношениях между Китаем и Японией»^[73]. Тем не менее правительство США считало, что в конце концов с японцами удастся договориться. Об этом свидетельствует переписка американских послов в Китае и Японии с госдепартаментом США. Дж. Грю в телеграмме от 27 августа 1937 г. писал: «Мы полностью согласны с мнением (посла США в Китае Джонсона. – *А.К.*), что любая попытка Соединенных Штатов воспрепятствовать развитию японской политики в Китае путем демонстрации нашего осуждения не даст полезного эффекта. Если мы будем осуществлять нажим, это приведет к ликвидации тех элементов дружбы между Японией и США, которые накопились и накапливаются в результате тактики, методов и способов поведения нашего правительства, используемых в отношении нынешнего конфликта»^[74]. Посол рекомендовал правительству США «избегать вовлечения в войну, решительно защищать жизнь, имущество и права американских граждан (в Китае), продолжать политику строгого нейтралитета, сохранять с обеими воюющими странами отношения традиционной дружбы». При этом подчеркивалась необходимость «предпринять особые шаги к укреплению наших отношений с Японией». Грю считал, что политика «умиротворения» будет оценена японцами, которые «не забывают применявшиеся нами во время маньчжурских событий методы»^[75].

Предложения посла совпадали с позицией Вашингтона. В ответной телеграмме от 28 августа госсекретарь США дал положительную оценку точки зрения Грю^[76]. О том, что правительство США не желает поддерживать жертву агрессии, оно заявило практически сразу после начала боевых действий Японии в Китае. 16 июля 1937 г. было опубликовано заявление государственного секретаря США К. Хэлла, в котором прямо давалось понять, что Америка не намерена активно противодействовать агрессивным акциям Японии в Китае. В заявлении говорилось: «Мы воздерживаемся от вступления в союзы и вовлечения в принятие обязательств...» Не делая различия между агрессором и его жертвой, Хэлл призывал правительства Японии и Китая «к сдержанности в интересах мира во всем мире». Для того чтобы у японцев не осталось никаких сомнений в позиции США, американское правительство дало указание своему послу в

Токио сообщить японскому министру иностранных дел о том, что США «желают избежать малейшего вмешательства»^[77].

В Лондоне сообщения о начале Японией нового этапа войны вызвали тревогу. Английское правительство острее ощущало непредсказуемые последствия своих уступок Японии. Заместитель наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомоняков отмечал 29 июля 1937 г.: «Хотя, судя по всем сведениям, Англия встревожена японской агрессией в Северном Китае, я убежден, что она несет значительную ответственность за эту агрессию... В переговорах с английским правительством в Лондоне она (Япония) почерпнула убеждение, что Англия не окажет сопротивления ее новой агрессии в Северном Китае»^[78]. Позже, в конце сентября, он писал полпреду СССР в Японии М.М. Славуцкому: «Мы точно осведомлены о том, что Япония, перед тем как прибегнуть к новым военным действиям в Китае, а также после этого, делала и делает большие усилия, чтобы смягчить свои отношения с Англией и договориться с ней по ряду спорных вопросов, включая и вопрос о разделе сфер влияния в Китае. После начала военных действий официальные переговоры в Лондоне были прекращены, однако неофициальные разговоры продолжались. Попыткам договориться содействовали и содействуют те круги консерваторов, которые являются сторонниками необходимости договориться во что бы то ни стало с фашистскими государствами, не останавливаясь даже перед более или менее серьезными уступками за счет империалистических интересов Великобритании»^[79].

Стремясь обезопасить свои весьма уязвимые в создавшейся обстановке интересы в Китае, правительство Великобритании пыталось привлечь США к совместному выступлению трех держав – Великобритании, Франции, США. Английский министр иностранных дел А. Иден писал, что «без США Англия едва ли сможет пойти дальше платонических демаршей перед японским правительством»^[80]. Однако, видя нежелание США противодействовать японской экспансии, английское правительство стало склоняться к тому, чтобы найти какой-то компромисс с Японией. В одном из своих писем американскому президенту Чемберлен рассуждал: «Для того чтобы ослабить угрозу со стороны Германии, мы рассчитываем на помощь США. Изолированная, лишенная помощи Великобритания хотела бы избежать одновременного возникновения проблем в Европе и на

Дальнем Востоке. Поэтому не стоит ли нам постараться достичь согласия с Японией?»^[81]

В сентябре 1937 г. послом Великобритании в Токио был направлен Р. Крейги, известный своей приверженностью политике умиротворения. Основным смыслом его рекомендаций правительству сводился к тому, что решительные действия западных держав в отношении Японии лишь приведут к повышению роли военных в японской политике, а значит, усилению воинственности этого государства.

Не проявляла активности в вопросе организации коллективных действий против Японии и Франция, также ожидавшая вовлечения Японии в войну против СССР. 26 августа 1937 г. министр иностранных дел Франции Дельбос в беседе с послом США в Париже Буллитом заявил, что, «по его мнению, японское наступление в конечном итоге направлено не против Китая, а против СССР. Японцы желают захватить железную дорогу от Тяньцзиня до Бейпина (Пекина) и Калгана (Чжанцзякоу) для того, чтобы подготовить наступление на Транссибирскую железную дорогу в районе озера Байкал и против Внутренней и Внешней Монголии». В ожидании этих событий Дельбос рекомендовал, чтобы правительства западных держав способствовали разрешению японо-китайского конфликта невоенными средствами^[82].

Тем временем японская армия быстро продвигалась в глубь Северного Китая. В августе японцы открыли фронт в Центральном Китае, 13 августа при поддержке авиации и флота начали наступление на Шанхай, создали угрозу столице Китая – Нанкину. США ответили на вторжение японских войск в Центральный Китай отправкой в Шанхай контингента американских моряков численностью 1200 человек. Одновременно послы США, Великобритании и Франции по поручению своих правительств предложили Японии и Китаю превратить Шанхай в нейтральную зону. Японцы, по существу, игнорировали эти и последующие акции западных держав.

Политика попустительства агрессору создавала крайне тяжелое положение для Китая, грозившее потерей его самостоятельности. Во время многочисленных встреч с американскими и английскими дипломатами в Китае Чан Кайши убеждал их, что единственный путь остановить японскую агрессию – это совместные действия США,

Великобритании и других государств. При этом он, с одной стороны, указывал на перспективу серьезного нарушения их интересов в Китае, а с другой – взывал к моральным обязательствам, которые западные державы возложили на себя, подписав Вашингтонский договор 1922 г., декларировавший «независимость» и «целостность» Китая. Чан Кайши настойчиво призывал к сотрудничеству западных держав «теперь и незамедлительно» с тем, чтобы добиться прекращения японской агрессии. Однако западные державы, не желая сколько-нибудь серьезно задевать Японию, по существу, оставляли Китай наедине с агрессором.

В начале августа министр иностранных дел Китая Ван Чунхой следующим образом характеризовал позиции западных держав:

«1. Америка – полное невмешательство и отказ от какой-либо коллективной акции.

2. Англия старается удержать Японию от дальнейшей агрессии в Китае. В Токио Англия сделала “дружественные” представления японскому правительству. Во всяком случае Англия заявила Японии, что всякие переговоры между ними прекращаются...

3. Франция относится наиболее дружественно к Китаю, но не может решиться ни на какую акцию без Америки»^[83].

Планируя войну в Китае, японские лидеры весьма опасались распространения на Японию принятого конгрессом США в 1935 г. закона о нейтралитете, ограничивавшего экспорт военных материалов в воюющие страны. Незадолго до вторжения японских войск в Северный Китай 29 апреля 1937 г. этот закон был расширен и дополнен. Президенту США предоставлялось право запрещать экспорт оружия и военного снаряжения в находящиеся в состоянии войны государства. При этом введенное законодательство не предусматривало запрета на вывоз из США в воюющие страны стратегического сырья.

Поставки из США стратегического сырья и материалов имели жизненно важное значение для Японии. В 1937 г. на США приходилась одна треть всего импорта Японии. Как указывают японские историки, «Америка находилась в положении, позволявшем определять судьбу японской экономики»^[84].

Профессор О.Б. Рахманин в своем недавнем труде отмечает: «Со стороны США фактическое пособничество Японии выразилось в

проведении так называемой политики “нейтралитета”... В первую очередь от этого пострадал Китай»^[85].

Стремясь обойти американский закон о нейтралитете, японское правительство сознательно не объявляло Китаю войну, упорно выдавая свою агрессию как «инцидент». В официальном заявлении японского правительства от 15 августа 1937 г. говорилось, что военные действия японских вооруженных сил в Северном Китае следует рассматривать лишь как «наказание за жестокости китайской армии с целью побудить нанкинское правительство к признанию своей вины».

В свою очередь монополии США всемерно противились признанию американским правительством «состояния войны» в Китае и распространению на Японию закона о нейтралитете. Война Японии в Китае позволяла американскому крупному бизнесу извлекать из нее огромные барыши. В 1937 г. поставки из США в Японию выросли в 2–3 раза. При этом, если по сравнению с 1936 г. весь американский экспорт в эту страну увеличился в 1937 г. на 41 %, экспорт военных материалов на тот же период возрос на 124 %. Военные материалы составляли 58,5 % от общего экспорта США в Японию^[86]. Американский экспорт в Японию увеличился в 1937 г. по сравнению с предыдущим «мирным» годом в следующих размерах: по железному и стальному лому – в 2,7 раза, самолетам и запчастям к ним – в 2,5 раза, металлообрабатывающим станкам – в 3,5 раза, сырой нефти – в 2,5 раза, бензину – в 1,5 раза, меди – в 2,4 раза, свинцу – в 1,1 раза, чугуну и стали – в 16,3 раза^[87].

О подлинном смысле «применения» США закона о нейтралитете в японо-китайской войне свидетельствует заявление американского сенатора Швеленбаха, который говорил: «Ни у кого не может быть сомнения в том, что мы активно участвуем в войне, которую Япония ведет в Китае. Получается так, что поведение японцев можно рассматривать как более честное, чем наше. Они, по крайней мере, посылают своих людей, которые рискуют быть убитыми. Мы не рискуем своими жизнями в этой войне. Все, что мы делаем, – это посылаем наши товары и материалы, которые они требуют для военных целей, и получаем за это прибыль»^[88].

Столь явная прояпонская политика встречала возраставшее осуждение широких кругов американской общественности, среди которой росло число сторонников объявления экономического бойкота

Японии. Учитывая это, а также стремясь ограничить японское наступление на интересы США, американская администрация была вынуждена прибегнуть к словесному осуждению Японии. 5 октября 1937 г. президент США Ф. Рузвельт выступил в Чикаго с речью, в которой призвал к организации «карантина» против агрессоров. Однако этот демарш не был подкреплён какими-либо существенными действиями. В речи заявлялось о стремлении американского правительства оставаться вне войны. «Мы примем меры, которые сведут к минимуму риск вовлечения (в войну)»^[89], – подчеркнул президент.

Последствия были трагичны для Китая. 12 ноября 1937 г. силами 150-тысячной ударной группировки японцы захватили Шанхай. Через месяц они ворвались в столицу – Нанкин, где учинили кровавую резню мирных жителей.

Среди великих держав только Советский Союз оказал Китаю поддержку, заключив с ним 21 августа 1937 г. договор о ненападении. Заключение этого договора не ограничивалось лишь обязательствами не совершать агрессивных действий друг против друга. Это было, по сути дела, соглашение о взаимопомощи в борьбе с японскими интервентами^[90]. 23 июля 1937 г. Ван Чунхой с горечью говорил послу СССР в Китае Д.В. Богомолу: «Мы все время слишком много надеялись на Англию и Америку, теперь я приму все меры к улучшению советско-китайских отношений»^[91].

Следует отметить, что в США и других западных странах были недовольны заключением советско-китайского договора о ненападении. Считалось, что он нанес удар по планам Токио, предусматривавшим включение Китая в «антикоминтерновский блок»^[92].

О решимости советского правительства воспрепятствовать японской агрессии, противопоставить ей объединённые силы ведущих стран мира свидетельствовала позиция, занятая СССР в Лиге Наций. В речи советского представителя 21 сентября 1937 г. отмечалось: «На Азиатском материке без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое – Китай, наводняет его 100-тысячными армиями, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших мировых коммерческих центров. И

мы находимся, по-видимому, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету...»^[93]

В Лиге Наций, а затем на открывшейся 3 ноября 1937 г. в Брюсселе специальной международной конференции советские представители требовали принятия конкретных мер по пресечению японской агрессии. Советский Союз предложил в соответствии со статьей 16 Устава Лиги Наций применить против Японии коллективные санкции, вплоть до военных. Однако представители западных держав сделали все, чтобы это предложение было отклонено. Отвергнуто было и поддержанное Советским Союзом предложение Китая о применении против Японии экономических санкций. Определяющей на конференции в Брюсселе была позиция США, которая, по словам государственного секретаря США Хэлла, состояла в том, что «вопрос о методах давления на Японию не входит в задачу данной конференции»^[94].

Отказываясь от предлагавшихся СССР коллективных мер по обузданию японских интервентов, западные державы стремились подтолкнуть Советский Союз на самостоятельное выступление против Японии, ссылаясь на то, что он-де является соседом Китая. Во время брюссельской конференции западные представители явно в провокационной манере заявляли, что «лучшим средством сделать Японию стоворчивее было бы послать несколько сот советских самолетов попутать Токио»^[95]. Было очевидно, что вовлечение СССР в японо-китайскую войну рассматривалось западными державами как наилучшее развитие событий, ибо это означало бы отвлечение внимания Японии от Центрального и Южного Китая.

Цели халхин-гольской авантюры

Оказавшись в конце 1937 г. в крайне сложном положении, правительство Китая, уже не полагаясь на помощь западных держав, информировало об этом советское руководство. 13 декабря китайский министр иностранных дел Ван Чунхой заявил временному поверенному в делах СССР в Китае: «Китайское правительство имеет точные сведения, что инцидент в Лугоуцяо (у моста Марко Поло близ Пекина. – *А.К.*) в июле месяце был заранее подготовлен японцами на случай отказа Китая от японских требований. После шести месяцев войны Китай теперь находится на распутье. Китайское правительство должно решить вопрос, что делать дальше, ибо сопротивляться дальше без помощи извне Китай не может. Китайское правительство имеет твердую решимость сопротивляться, но все ресурсы уже исчерпаны. Не сегодня, так завтра перед китайским правительством встанет вопрос, как долго это сопротивление может продолжаться»^[96]. Призывая СССР оказать помощь, он указывал, что в случае поражения Китая Япония сделает его плацдармом для войны против СССР и использует для этого все ресурсы страны. 29 декабря Чан Кайши поставил перед правительством Советского Союза вопрос о направлении в Китай советских военных специалистов, вооружения, автотранспорта, артиллерии и других технических средств^[97].

Несмотря на то, что выполнение этой просьбы создавало опасность ухудшения советско-японских отношений, советское руководство приняло решение оказать прямую помощь китайскому народу. В первой половине 1938 г. СССР предоставил Китаю кредиты на льготных условиях на сумму 100 млн долларов. В Китай были направлены 477 самолетов, 82 танка, 725 пушек и гаубиц, 3825 пулеметов, 700 автомашин, большое количество боеприпасов. Всего с октября 1937 по октябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение^[98].

Общая сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 г. составила 250 млн долларов. Заметим, что за этот же период США предоставили Китаю заем в 25 млн долларов^[99]. В наиболее трудный начальный

период японо-китайской войны помощь США и Великобритании Китаю была символической. Так, с июля 1937 по январь 1938 г. Китай получил от США 11 самолетов и 450 т пороха^[100].

В то же время увеличивались поставки военных материалов США в Японию, что обеспечивало ей возможность продолжать агрессию. По китайским данным, в течение трех первых лет войны из израсходованного японской армией в Китае общего количества бензина (40 млн тонн) 70 % поступило из США^[101]. О том, что Япония широко использовала в Китае американские поставки, свидетельствовал тогдашний торговый атташе США в Китае, который писал: «Если кто-либо последует за японскими армиями в Китае и удостоверится, сколько у них американского снаряжения, то он имеет право думать, что следует за американской армией»^[102]. По китайским подсчетам, от американского оружия погибали 54 из каждых 100 мирных жителей Китая^[103].

При таком положении крупномасштабная советская помощь Китаю реально препятствовала осуществлению японских агрессивных планов, и ее прекращение рассматривалось как одна из важнейших внешнеполитических задач Токио. Японское правительство имело все основания считать, что «разрешение китайского инцидента затягивается из-за помощи, которую оказывал Китаю Советский Союз»^[104].

Стремление изолировать СССР от Китая, сорвать его помощь китайскому народу толкало японские военные круги на сознательное обострение японо-советских отношений. В 1938 г. число японских провокаций на советско-маньчжурской границе резко возросло. Так, например, если в 1937 г. было отмечено 69 нарушений границы японскими военными служащими, то в 1938 г. их было зарегистрировано почти вдвое больше – 124^[105]. Информировав посла СССР в Японии о серьезности складывавшейся обстановки, заместитель наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомонаков писал 25 июня 1938 г., что «линия японской военщины в Маньчжурии, рассчитанная на провокацию пограничных конфликтов, продолжает проводиться непрерывно и все с большей наглостью»^[106].

Однако японское правительство опасалось открытия еще одного фронта. В январе 1938 г. в ответ на запрос германского генерального

штаба о возможности японо-советского столкновения представитель японского генштаба армии генерал Хомма отвечал, что подготовка к войне на севере ведется ускоренными темпами, «ибо всякая оттяжка во времени идет на пользу СССР». Вместе с тем, разясняя трудности войны в Китае, а также финансовые проблемы Японии, он указывал, что «для подготовки войны против Советского Союза Японии потребуется не менее года, но не более двух лет»^[107].

Цели и задачи войны Японии против СССР были первоначально изложены в разработанном в августе 1936 г. генеральным штабом армии документе «Основные принципы плана по руководству войной против Советского Союза». В случае начала большой войны с СССР в нем предусматривалось на первом этапе «захватить Приморье (правое побережье Уссури и Амура) и Северный Сахалин» и «заставить Советский Союз согласиться со строительством Великого монгольского государства»^[108]. Оперативный план 1937 г. предусматривал наступление с трех направлений – восточного, северного и западного. Важнейшей задачей объявлялось быстрое «разрушение Транссибирской железной дороги в районе Байкала, с тем чтобы перерезать главную транспортную артерию, связывающую европейскую часть СССР с Сибирью»^[109].

В марте 1938 г. штабом Квантунской армии в центр был направлен документ «Политика обороны государства», в котором в случае войны с СССР предлагалось силами Квантунской и корейской армий нанести основной удар по советскому Приморью с целью его захвата и отсечения советских войск Особой Дальневосточной армии от войск Забайкальского военного округа. Затем последовательными ударами осуществить наступление на амурском и забайкальском направлениях. Одновременно намечалось вторжение в Монгольскую Народную Республику^[110].

Разработка этих планов свидетельствовала о намерении японских военных кругов разрешить японо-советские противоречия вооруженным путем. Однако более осторожные японские политики считали, что приступить к решению «северной проблемы» можно будет лишь при поддержке других держав, когда СССР будет вовлечен в войну в европейской части страны.

Весной 1938 г. японские войска продолжали развивать наступление в Центральном Китае. При этом японские лидеры не

скрывали своего намерения вытеснить США и другие западные державы не только из Китая, но и в целом из Азии. Это вынудило США занять более жесткую позицию. 17 марта 1938 г. государственный секретарь США Хэлл выступил с большой речью «Наша внешняя политика», в которой заявил, что США «не намерены отказаться от своих прав и интересов в Китае»^[111].

В связи с этим японское правительство, опасаясь обострения отношений с США, решило принять меры, демонстрирующие стремление Японии направить свои военные усилия против СССР. Летом 1938 г. японское военно-политическое руководство предприняло попытку расширить до масштабов серьезного вооруженного конфликта один из пограничных инцидентов в районе озера Хасан в Приморье. Однако цели конфликта не ограничивались демонстрацией японских намерений перед западными державами. Составители японской «Истории войны на Тихом океане» отмечают: «Начиная с 1938 г. японо-советские отношения неуклонно ухудшались. Дело в том, что с этого времени помощь Советского Союза Китаю качественно усилилась... Это раздражало Японию... В генштабе армии формировалась мысль о прощупывании советской военной мощи, основной смысл которого заключался в выяснении готовности СССР к войне с Японией... Было решено проверить это нападением на советские войска, мобилизовав 19-ю дивизию корейской армии, которая непосредственно подчинялась императорской ставке. Замысел состоял в нанесении сильного удара, с тем чтобы предотвратить выступление СССР против Японии»^[112].

Можно считать, что одной из основных целей хасанских событий было «устрашить» советское руководство мощью японской армии, вынудить его пересмотреть свою политику в отношении Китая, не допустить вовлечения СССР в японо-китайскую войну.

Выбор времени нападения диктовался обстановкой на японо-китайском фронте. Готовясь к проведению уханьской операции, японцам было важно убедиться, что Советский Союз не имеет намерения вооруженным путем воспрепятствовать расширению японской агрессии в Китае. Бывший начальник оперативного отдела императорской ставки полковник Инада говорил по поводу хасанских событий: «Даже если будет разгромлена целая дивизия, необходимо выяснить готовность Советов выступить против Японии»^[113].

15 июля 1938 г. японский посол в СССР М. Сигэмицу по указанию Токио в категорической форме заявил о «нарушении» советскими военными границами и предъявил советскому правительству требование правительства Японии о «передаче» части территории СССР близ озера Хасан. В ответ советское правительство предъявило Хунчунское соглашение, подписанное с Китаем в 1886 г. В приложенной к соглашению карте прохождения русско-китайской границы четко обозначено, что высота Заозерная, на которую Япония выдвинула претензии, лежит на русской территории. Однако японская сторона игнорировала этот документ.

29 июля японские войска, пользуясь численным перевесом, вторглись на советскую территорию. Советские пограничные подразделения были вынуждены отойти к востоку от озера Хасан. Когда императору Японии было доложено об этих действиях японской армии, он «выразил удовлетворение».

10 августа советские войска нанесли неожиданный и мощный удар. Японцы были выбиты с захваченной территории. Опасаясь полного разгрома, начальник штаба 19-й дивизии срочно отправил начальнику штаба корейской армии телеграмму, в которой просил «немедленно начать дипломатические переговоры», заявляя, что японская армия уже «продемонстрировала свою мощь... и, пока есть выбор, нужно остановиться»^[114]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Remer J.F. Foreign Investments in China. New York, 1933. P. 70.

Montgomery M. Imperialist Japan. The Yen to Dominate. London, 1987. P. 233.

Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 1.
С. 271.

Японский милитаризм (Военно-историческое исследование). М., 1972. С. 72.

Millard T. Democracy and the Eastern Question. New York, 1929. P. 81–82.

Исаков И.С. Операция японцев против Циндао в 1914 г. М.; Л., 1941. С. 22.

История Первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1975. Т. 1. С. 405.

История Первой мировой войны 1914–1918 гг. М., 1975. Т. 1. С. 406–407.

Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Токио, 1972.
Т. 1. С. 26.

Новейшая история Китая 1917–1970 гг. М., 1972. С. 48.

Тайхэйё сэнсо си. Т. 1. С. 29. По китайским данным, «займы Нисихары», включая секретные, с августа 1917 г. по сентябрь 1918 г. составили около 240 млн иен // Тюгоку кара мита нихон киндай си (Взгляд из Китая на новейшую историю Японии). Токио, 1987. С. 76.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С. 287.
Эти обязательства оставались в тайне до начала Версальской мирной конференции, и даже США официально о них не были уведомлены.

Эйдус Х. Япония от Первой до Второй мировой войны. М., 1946.
С. 37–38.

Тюоку кара мита нихон киндай си. С. 78.

Жуков Е.М. Японские буржуазные газеты в конце 1917 г. и подготовка антисоветской интервенции. М., 1957. С. 661.

Жуков Е.М. Японские буржуазные газеты в конце 1917 г. и подготовка антисоветской интервенции. М., 1957. С. 662–666.

Подробнее о капитуляции Германии и ее союзников см.: История Первой мировой войны. М., 1975. Т. 2. С. 496–533.

Эйдус Х. Указ. соч. С. 49.

Вооруженные силы Японии. История и современность. М., 1985.
С. 20.

Лиф Ш. Война и экономика Японии. М., 1940. С. 35.

Сёва-но рэкиси (История периода Сёва). Токио, 1983. Т. 1. С. 23.

Того С. Воспоминания японского дипломата / Пер. с англ. М., 1966. С. 49.

История дипломатии. М., 1965. Т. 3. С. 140.

Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 2.
С. 16.

Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Кн. 2.
С. 17.

Очерки новейшей истории Японии. М., 1957. С. 18.

Montgomery M. Op. cit. P. 257–258.

Fifield R.H. Woodrow Wilson and the Far East. The Diplomacy of the Shantung Question. New York, 1952. P. 233.

Квигли Г. Правительство и политическая жизнь Японии / Пер. с англ. М., 1934. С. 301.

Дайтоа сэосо кокан сэн си. Дайхоньэй рикугун бу (Официальная история войны в великой Восточной Азии. Секция сухопутных сил императорской ставки). Токио, 1967. Ч. 1. С. 290.

«Токио нити-нити». 1922. 21 июля.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 258–259.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 290.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 229.

История войны на Тихом океане / Пер. с яп. М., 1957. Т. 1. С. 104–105.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 278.

Латышев И.А. Внутренняя политика японского империализма накануне войны на Тихом океане. 1939–1941. М., 1955. С. 122.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 7876,
оп. 1, д. 482, л. 100.

Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 28.

Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 27–28.

Русский архив. Т. 18. Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30—40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 28–29.

С. Гото – видный японский политический деятель, в 20-е годы – мэр Токио.

А.А. Иоффе – руководитель советской дипломатической миссии в Китае в 1922–1923 гг., участник переговоров об установлении советско-японских дипломатических отношений.

Русский архив. Т. 18. С. 29.

ΓΑΡΦ, φ. 7867, οπ. 1, δ. 275, λ. 92.

Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. XV. С. 16. Вскоре советскому руководству стало известно содержание «меморандума Танаки». Работавший под дипломатическим прикрытием генерального консула СССР в Корее советский разведчик Иван Чичаев уже в сентябре 1927 г. получил через своего агента из числа японцев копию этого документа. Копия «меморандума Танаки» была добыта также советской резидентурой в Харбине (Рабочая трибуна. 1995. 22 июля). Затем по решению советского правительства «меморандум» был опубликован в одном из китайских изданий. Хотя Токио попытался официально опровергнуть существование этого документа, последовавшие события полностью подтвердили подлинность изложенных в нем замыслов. Как впоследствии отмечал в своих мемуарах «Потрясения периода Сёва» бывший министр иностранных дел Японии Мамору Сигэмицу, последовательность действий «удивительно точно соответствовала той, которая была изложена в меморандуме Танаки».

Документы внешней политики СССР. М., 1966. Т. XI. С. 144.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 248–249.

Документы внешней политики СССР. М., 1968. Т. XIV. С. 746.

Цит. по: *Рагинский М.Ю., Розенбит С.Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М.; Л., 1950. С. 237.

Документы внешней политики СССР. М., 1970. Т. XVI. С. 17.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 1. С. 339–340.

Сёва-но рэкиси (История периода Сёва). Токио, 1982. Т. 4. С. 194.

Bergamini D. Japan's Imperial Conspiracy. London, 1971. P. 552.

Сёва-но рэкіси. Т. 4. С. 194.

Цит. по: Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане).
Токио, 1972. Т. 1. С. 293.

Grew J. Ten Years in Japan. New York, 1944. P. 98.

Цит. по: *Марушкин Б.И.* Американская политика «невмешательства» и японская агрессия в Китае (1937–1939 гг.). М., 1957. С. 30.

Цит. по: История внешней политики СССР. М., 1976. Т. 1. С. 296.

Цит. по: История внешней политики СССР. М., 1976. Т. 1. С. 277.

Цит. по: История внешней политики СССР. М., 1976. Т. 1. С. 278.

Фудзивара Акира. Тайхэйё сэно си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С. 15.

История войны на Тихом океане / Пер. с яп. Т. 2. С. 67.

Сёва-но рэкіси. Т. 4. С. 330.

Дайтоа сэнсо кокан си. Сина дзихэн рикугун сакусэн
(Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Т. 86.
Операции сухопутных сил в период китайского инцидента. Ч. 1).
Токио, 1975. С. 103.

История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 36.

Statistical Year Book of the League of Nations. 1939–1940. Geneva, 1940. P. 182.

Бедняк И.Я. Японская агрессия в Китае и позиция США (1937–1939). М., 1957. С. 17.

Тайхэйё сэнсо си. Т. 3. С. 218.

«Contemporary Japan». 1936. IV. P. 638.

Тайхэйё сэнсэ-э но мити. Сирёхэн (Путь к войне на Тихом океане). Документы. Токио, 1963. С. 223.

US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). Vol. III. The Far East. Washington, 1954. P. 165.

US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). Vol. III. The Far East. Washington, 1954. P. 487.

US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). Vol. III. The Far East. Washington, 1954. P. 487.

US Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). Vol. III. The Far East. Washington, 1954. P. 488.

FRUS. Japan. 1931–1941. Vol. I. 1943. P. 326.

Документы внешней политики СССР. М., 1976. Т. XX. С. 413.

Документы внешней политики СССР. М., 1976. Т. XX. С. 741.

Документы внешней политики СССР. М., 1976. Т. XX. С. 409.

Тайхэйё сэпсо си. Т. 3. С. 39.

FRUS. 1937. The Far East. Vol. III. P. 475–476.

Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 436–437.

Тайхэйё сэпсо си. Т. 3. С. 36.

Рахманин О.Б. К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. М., 2002. С. 7.

Сёва-но рэкиси. Токио, 1985. Т. 5. С. 14.

Марушкин Б.И. Указ. соч. С. 52.

Цит. по: *Кунина А.Е., Марушкин Б.И.* Миф о миролюбии США.
М., 1960. С. 174.

Bisson T.A. America's Far Eastern Policy. New York, 1945. P. 168.

Новейшая история Китая 1917–1970 гг. М., 1972. С. 176.

Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 401.

FRUS. 1937. The Far East. P. 538.

Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV (1935 – июль 1941 г.). М., 1946. С. 304.

Hull C. The Memoirs. Vol. 1. New York, 1948. P. 414, 554–555.

Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 617.

Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 654–655.

Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 656, 690.

История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 72.

Тайхэйё сэпсо си. Т. 3. С. 40.

Сапожников Б.Г. Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1939). М., 1970. С. 76.

Тюгоку кара мита нихон киндай си (Взгляд из Китая на новейшую историю Японии). Токио, 1987. С. 212.

Цит. по: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 42.

Бедняк И.Я. Указ. соч. С. 99.

Дайхонъэй рикугун бу. Ч. 2. С. 2.

ΓΑΡΦ, φ. 7867, οπ. 1, δ. 275, λ. 172–173.

Документы внешней политики СССР. М., 1999. Т. XXI. С. 342.

Севостьянов Г.Н. Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны. М., 1961. С. 217–218.

Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории. Документы).
Токио, 1976. Т. 8. С. 686.

Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории. Документы).
Токио, 1976. Т. 8. С. 20.

Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории. Документы).
Токио, 1976. Т. 9. С. 727–729.

Гэндай си сирё (Материалы по новейшей истории. Документы).
Токио, 1976. Т. 9. С. 224.

Тайхэйё сэһсо си. Т. 3. С. 108–111.

Фудзивара Акира. Указ. соч. С. 74.

Фудзивара Акира. Нитю дзэммэн сэнсо (Всеобщая японо-китайская война). Токио, 1982. С. 154–155.